

Секция 33

Актуальные вопросы германистики

Содержание

Воронцова Е.А. Функционально-семантические особенности английских деноминативных прилагательных и их учет при переводе на русский язык.....	3
Кучешева И.Л. Имена собственные в английской и русской лингво-культурах.....	8
Мурашев Т.И. Обыгрывание статуса словоформы и словообразование в творчестве группы NOFX.....	12
Петросян Е. А. Англо-американские заимствования в современном немецком языке.....	18
Позныш А. С. Формально-грамматические критерии категории залога в современном английском языке.....	24
Полухина И.В. Информативный компонент речевой интенции обещания и средства его выражения в английском языке.....	29
Рукобратская А. А. Дискурсивное функционирование коннекторов AND и BUT.....	34
Рябкова А.В. Заимствование как средство интернационализации системы немецких морфологических.....	37
Рябуха Н.А. Этимология некоторых терминов в области земледелия и животноводства (на примере немецкого и русского языков).....	41
Талалай Т. С. Современные проблемы лингвистики и методики преподавания языков.....	46
Турлова Е. В. Функционирование артикля как дискурсивного маркера (на материале названий учебных пособий издательств Longman, Macmillan, Oxford University Press).....	50
Цепунова О. А.К вопросу о выделении и составе семантического поля со значением «умственной деятельности» (на материале английского языка).....	54
Шидловская И.А. Некротизмы как явление уникализации в языке.....	58

Воронцова Е.А. Функционально-семантические особенности английских деноминативных прилагательных и их учет при переводе на русский язык

АлтГУ, Барнаул

В последнее время многие явления языка рассматриваются через призму когнитивного подхода, что позволяет во многом расширить наше представление о лингвистической науке. В частности, данные когнитивной науки позволяют связать систему частей речи с формированием системы универсальных общечеловеческих понятий и о существовании в рамках этой системы определенных оппозиций. Универсальность системы частей речи в межъязыковом аспекте служит основой для межъязыковых сопоставлений.

Известно, не все слова, принадлежащие к одному классу, обнаруживают одинаковые функциональные свойства. Исследования представителей Пражской школы лингвистики (Э.Паулини, Б.Гавранека, М.Комарека), которые получили дальнейшее развитие в трудах отечественных лингвистов (В.Г.Адмони, Р.И. Гусейнов, Е.В. Гулыга, Е.М. Шендельс, и др.), показывают, что в составе частей речи следует различать ядро (центр) с оптимальной концентрацией важнейших грамматических признаков данной части речи и периферию – слова, лишенные одного или нескольких признаков. Периферийные слова могут в разной степени удаляться от ядра и сближаться со словами других частей речи.

В работах М.Я.Блоха, понятия ядра и периферии рассматриваются в терминах слов чистой и смешанной категориальной семантики. Единицы чистой категориальной семантики характеризуются параллелизмом между их вещественно-лексической и категориально-грамматической семантикой. В рамках класса прилагательных, к единицам чистой категориальной семантики можно отнести слова, обозначающие размер (small, big), трудность (difficult, easy), физические свойства (hard, clean, strong) и др.

Особенностью единиц смешанной категориальной семантики является отсутствие параллелизма между лексической и категориальной семантикой. Ярким примером подобной асимметрии являются производные прилагательные, которые характеризуются расчлененностью своего значения и отсылкой к другим единицам языка (Харитончик 1986, 15). Так как разные языки отдают предпочтение различным способам словообразования, при переводе единиц смешанной категориальной семантики возникают сложности при переводе. Для того чтобы точнее подобрать эквивалент для перевода, необходимо проанализировать значение производного слова.

Самое общее словообразовательное значение деноминативных прилагательных можно определить как «свойственный тому, что обозначено производящей основой». Эти прилагательные отсылают к предмету или явлению, которое обозначено именем существительным в производящей основе. Но прилагательное, в отличие от существительного, обозначает свойства и качества не в системе, а лишь те, которые выступают как определяющие в данной ситуации.

Иными словами, производное прилагательное актуализирует отдельные компоненты значения именных основ. Эти компоненты, как правило, располагаются на периферии сигнификативного значения и могут иметь имплицитное выражение. Для элиминирования лакун в этом случае избирается прилагательное, имеющее отдельный признак.

англ: gnom – gnomish и русск: гном – похожий на гнома, крохотный.

англ: housewife – housewifely и русск: домохозяйка – домовитый

В рамках этой группы выделяется ряд прилагательных с суффиксом –у.

oargy – похожий на весло; rugmy – относящийся к пигмеям

При отсутствии эквивалента для перевода английского прилагательного, образованного от многопризнакового существительного, на русский язык необходимо выделить признак, являющийся в данной ситуации доминантным. Рассмотрим пример:

The victim of butcherly murder (www.joenit.com). – Жертва кровавого убийства (Перевод наш).

В русском языке нет прилагательного образованного от существительного *мясник*, которое, будучи идентифицирующим именем, является многопризнаковым. Поэтому в словарной дефиниции предложены несколько прилагательных, ассоциируемых с данным существительным: варварский, жестокий, кровожадный. В случае с убийством, жестокость, имплицитно заложенная в семантику этого слова, ассоциируется с кровью, поэтому для перевода мы выбрали слово *кровавый*.

Значение второй группы производных прилагательных можно определить как «относящийся к тому, что обозначено производящей основой». Ядро этой группы, составляют производные со значением посессивности: towered – имеющий башни, renunciative – содержащий отказ, propertied – имеющий собственность, verminous – кишачий вредителями.

Производные английские прилагательные, объединенные общим значением посессивности, оформляются различными суффиксами: -ed, -y, -al, -ic, -less, -ive, -ly. Такое несоответствие плана выражения и плана содержания составляет суть языковой асимметрии, которая в данном случае проявляется на морфологическом уровне и носит внутриязыковой характер. Вследствие внутриязыковой асимметрии возможно существование определенных парадигматических рядов прилагательных с одной основой, но с различными аффиксами. Этот парадигматический ряд может объединять одно словообразовательное значение. Но, возвращаясь к закону об экономии языковых средств, мы склонны считать, что члены подобных парадигматических групп в рамках единого словообразовательного значения будут проявлять некоторые его модификации. Это значит, что внутри языка существуют определенные закономерности в значении производных, маркированных разными аффиксами. Так, прилагательные coppery и copperish различаются по степени наличия вещества, выраженного в производящей основе: coppery – как содержащий медь, copperish – somewhat coppery. Это же относится к дублетным парам: gravelly – gravellish.

Мы полагаем, что в ряде случаев разные аффиксы эксплицитно или имплицитно маркируют разные количественные или качественные значения.

В результате нашего исследования мы выделили ряд прилагательных, определяемых в словаре как избыточные или содержащие большое количество того, что выражено в производящей основе. Большинство этих прилагательных маркировано суффиксом -y: *chasmy* – избыточный ущельями; *crumbly* – усыпанный крошками; *froggy* – избыточный лягушками.

Прилагательные с суффиксом -ful также можно отнести к прилагательным с посессивным значением: «имеющий...», «принадлежащий...». В отличие от прилагательных предыдущей группы, они несут информацию исключительно о наличии какого-либо признака прилагательных: *tasteful* – с тонким вкусом, *rightful* – принадлежащий по праву

При сопоставлении оппозиции прилагательных *scarred* - *scarry*, оттенки кантитативных значений данных прилагательных выявляются более выпукло. Значение *scarry* определено как «покрытый шрамами, рубцами». Слово *scarred* встречается, к примеру, в словосочетании *scarred face* и обозначает «лицо со шрамом». Таким образом, можно сделать вывод, что производные прилагательные со значением наличия, маркированные суффиксом -ed, указывают ограниченное количество признака по сравнению со значением неограниченного признака, выраженного прилагательными с суффиксом -y.

Различия в словообразовательных значениях, являясь следствием внутриязыковой асимметрии, на уровне сопоставления языков порождают асимметрию межъязыковую. Различия в кантитативных значениях, объединенных единым значением посессивности, при отсутствии эквивалентных русских прилагательных реализуются в русском языке с помощью словосочетаний с использованием существительного, выступившего в качестве производящей основы английского прилагательного. Для разграничения оттенков словообразовательных значений -y и -ed используются сочетания глагола (причастия) типа «избыточный, кишачий, состоящий из» и существительного во множественном числе/ единственном числе или существительное или словосочетание с существительным в единственном числе. Обратимся к примерам из художественной литературы:

Green and shaded minor roads (J. Fowles). - Зеленые, укрытые глубокой тенью, неширокие дороги (Пер. И.Бессмертной).

В русском языке есть прилагательное, образованное от существительного тень – «тенистый, т.е. обильный тенью» (Ожегов 1989, 792). Но это прилагательное эквивалентно английскому прилагательному “*shady*”, которое по сравнению с “*shaded*” подразумевает большую степень наличия признака.

Приведем еще пример:

The forest of Paimpont is one of the last large remnants of the old wooded Brittany (J. Fowles). – Пэмпонский лес - один из немногих лесных массивов, сохранившихся от прежней, заросшей лесами Бретани (Пер. И.Бессмертной).

В данном случае также не используется русское деноминативное прилагательное «лесистый», т.е. обильный лесами, так как это прилагательное соответствует английскому прилагательному *woody*.

Анализ двух последних примеров позволяет сформулировать еще один принцип различия прилагательных в дублетных парах, типа *shaded* - *shady*,

wooded – *woody*. Возможно, разница в количестве признака в прилагательных на -ed и на -y обусловлена тем, что эти прилагательные образованы от разных частей речи. Механизм образования прилагательных на -ed и на -y можно представить графически следующим образом:

- a) Adj- ed = N - Vn + ed Adjv(n): wooded = wood – to wood - wooded
b) Adj -y = N + y: woody = wood +y

Из схемы можно заметить, что прилагательные на - ed образованы в результате двухступенчатого процесса, на первом этапе которого при помощи конверсии образовался деноминативный глагол, а в результате второго появилось отглагольное прилагательное с суффиксом -ed. В случае же с прилагательным на -y, мы имеем дело с деноминативным прилагательным, образованным напрямую от существительного.

Сказанное позволяет нам сделать следующие выводы. Являясь чисто деноминативными образованиями, прилагательные на -y обозначают лишь факт наличия того, что обозначено производящей основой, причем, это наличие можно интерпретировать как свойство или качество, присущее предмету: *shady tree, shady lawn, shady person*. Что касается прилагательных на -ed, то промежуточное глагольное образование V(n), не могло не отразиться на семантике производного прилагательного, так как прилагательное образовано не напрямую от существительного, а от глагола, конвертированного от существительного. Если проанализировать глаголы, конвертированные от существительных *shade, wood*, то их объединяет общее значение «использовать, применять то, что названо производящей основой». В частности, значение *to shade* трактуется как «создавать тень, защищать», *wood* – «засаживать деревьями», (Гальперин 1997, т.2, 438, 801; т.1, 606). Таким образом, прилагательные *wooded, shaded* содержат сему акциональности (пассивности), то есть признак был создан искусственно, что и отличает их от прилагательных *gravelly, woody, shady*. Вероятно, именно это объясняет разницу в количестве признака: признак, созданный искусственно, вряд ли может быть избыточным.

Появлению лакун при сопоставлении посессивных прилагательных в русском и в английском языках также способствует различная активность производящих основ. В английском языке широко распространено образование производных, производящими базами которых выступают наименования предметов одежды, обуви и т.д.

scarped – одетый в плащ, *helmeted* – в каске, *jacketed* – одетый в жакет

Для русского языка образование производных от подобных основ является нехарактерным, поэтому значение производных передается словосочетанием с использованием существительного. Рассмотрим, как передаются значения подобных производных в тексте.

‘Take my place at the table, dear’, said Ellen, patting Scarlett’s cheek softly with a mittened hand (M.Mitchel). - -Замени меня за столом, дорогая - сказала Эллиен, и ее обтянутая митенкой рука нежно коснулась щеки Скарлетт (Пер. Т.Озерской).

There were cop cars parked in the streets and uniformed men (Bazaar). – На улице было полно припаркованных полицейских машин и людей в униформе (Перевод наш).

Как следует из примеров, при отсутствии в русском языке соответствующего прилагательного, лакуны заполняются сочетанием с использованием существительного, которое выступило в качестве производящей основы английской адъективной единицы. Мы полагаем, что прилагательные на -ed можно определить как условно деноминативные. Образованные от деноминативного конвертированного глагола, помимо выражения признака, они объединяют в своей семантической структуре значение предметности (наличие того, что выражено производящей основой) и акциональности (признак возник в результате определенных действий). Но если для английского языка сема акциональности является внутренней, для перевода на русский язык она требует экспликации, чем и объясняется введение в русский текст глаголов или причастий.

Использование теории прототипов применительно к системе частей речи убедительно доказывает, что система частей речи асимметрична по природе. Анализ явлений внутриязыковой асимметрии необходим для более тонкого понимания языковых явлений и для использования полученных данных для межъязыковых сопоставлений, что позволит обогатить речь изучающих английский язык и учитывать нюансы значений при переводе с русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. –ВШ, 2000.
2. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. - Минск, 1986.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. www.joenit.com
2. *Fowles J. The Ebony Tower.* – Moscow, 1980. *Fowles J. The Ebony Tower.* – Moscow, 1980.
3. *Mitchel Margaret. Gone With The Wind.* - Piao, 1990.
4. *Митчелл Маргарет. Унесенные ветром.* Перевод с английского Т.Озерской, Т.Кудрявцевой. Красноярск, 1991.
5. *Фаулз Дж. Башня из черного дерева.* Пер. И.Бессмертной. – М., 1998.

СЛОВАРИ

1. Большой англо-русский словарь. Под общим руководством И.Р.Гальперина. - М., 1979. Т. 1-2.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1989.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. - М., 2002.

Кучешева И.Л. Имена собственные в английской и русской лингво-культурах

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

Имена собственные занимают значительное место в составе лексики любого языка, в том числе английского. Они служат для наименования людей и животных, географических объектов, различных объектов материальной и духовной культуры. С конца 20 века продолжается лингвокультурологический бум, и проблемы взаимосвязи языка и культуры вышли в число самых актуальных в современной лингвистике.

Актуальность данной работы заключается в том, что исследование имен собственных в составе английских и русских фразеологических единиц позволит установить место имени собственного в языковой картине мира.

Несмотря на специфику и значимость для изучающих английский и русский языки имен собственных, им уделяется мало внимания, как в практических, так и в теоретических курсах английского и русского языков. Вот почему целью нашей работы является исследование имен собственных в составе английских и русских фразеологических единиц.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, содержащие имя собственное в английском и русском языках.

Предметом исследования является место имени собственного в английской и русской языковой картинах мира.

Новизна исследования определяется тем, что такой анализ позволит прояснить связь языка с культурой наций и место, которое занимает имя собственное в английской и русской лингвокультурах.

Теоретической базой послужили классификация А.В. Суперанской [7], определения и подходы, разработанные Н.В. Подольской [6], О.А. Леоновича [5] и др. В работе материалом исследования послужили 690 фразеологических единиц английского и русского языков из англо-русских фразеологических словарей А.В. Кунина [4] и А. В.Квеселевича [3], фразеологического словаря русского языка А.И. Молоткова [2], словаря русской фразеологии А.К. Бириха [1], Longman Dictionary of Contemporary English [10] и др.

В работе применялся “метод” сплошной выборки.

Собственные имена – имена и фамилии людей, географические названия, торговые марки, наименования учреждений, предприятий и т. п. – живут в языке своей особенной, сложной жизнью. Они также передают информацию, только эта информация особого рода. Она связана с традициями, историей, культурой данного народа, с реалиями его современной жизни. [7, с. 3-4]

Имена собственные занимают особое место в английском и в русском языках. Согласно данным английских частотных словарей и других исследований, на долю имен собственных приходится только 3-4% от общего числа словоупотреблений в текстах художественной литературы, при этом 2,5-3,0% составляют антропонимы, т.е. имена людей и 0,5-1,0% - топонимы, т.е. наименования

географических пунктов. Словарь топонимов, изданный в США, свидетельствует о том, что только на территории этой страны употребляется около 3 миллионов различных географических наименований [9, с. 4].

Каждый язык имеет особую картину мира. Картина мира – результат переработки информации о среде и человеке.

Имена собственные составляют значительную часть английского и русского языков, и заслуживают того, чтобы их тщательно изучали. Имена собственные играют особую роль в создании языковой картины мира. Они могут быть социальными знаками.

Своей семантикой имена собственные направлены на характеристику человека и его деятельности. Имя собственное идентифицирует лицо, предмет, явление. В этом и заключается его главная функция.

Имена собственные – важный источник информации, от умелого пользования которым зависит глубина нашего проникновения в сокровищницу изучаемых английского и русского языков.

Согласно классификации Суперанской А.В. к именам собственным относятся:

Антропонимы	Групповые, индивидуальные.
Мифонимы	Библейские легенды, античные мифы, легенды.
Топонимы	Групповые, индивидуальные, астионимы, урбанонимы, гидронимы

Представляется возможным принять за рабочее, определение имени собственного, предложенное Суперанской А.В.: “собственные имена – часть языка, демонстрирующая наиболее парадоксальные ситуации, анализ которых должен способствовать возникновению новых, более углубленных общелингвистических концепций”. [7, с. 173-213]

Данное определение представляется наиболее емким, подчеркивающим отличительные особенности имени собственного с позиции лингвокультурологии.

Все группы устойчивых сочетаний рассматриваются в разделе фразеологии, которая тесно связана с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Эта связь наиболее четко прослеживается в тех фразеологических единицах, в состав которых входит имя собственное.

Всего по классификации вышеуказанного автора было отобрано методом сплошной выборки 690 фразеологических единиц с именем собственным: 440 (64% от общей выборки) английских фразеологических единиц и 250 – русских фразеологических единиц (что составляет 36% от общей выборки).

Наиболее частотными в исследованном материале английского языка оказались следующие лексические единицы, в состав которых входят имена собственные: мифонимы, топонимы, антропонимы.

1) Антропонимы. Всего выделено 36 (8% от общей английской выборки) английских фразеологических единиц, содержащих антропонимы и 31 (12.4% от общей русской выборки) русская фразеологическая единица.

В данную группу входят индивидуальные и групповые антропонимы:

а) индивидуальные антропонимы. (англ.) *the admirable Crichton* – ‘несравненный Крайтон’, ученый, образованный, образцовый человек, ученый муж. Этим.:

по имени известного шотландского ученого в XVI в Дж. Крайтона, получившего степень магистра в четырнадцать лет; Крайтон отличался очень привлекательной внешностью; (рус.) *Валять Ваньку* – дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками.

б) групповые антропонимы. (англ.) *the Scavenger's daughter* - ист. – тиски (орудие пытки) [Scavenger – искаженная фамилия коменданта Тауэра Скевингтона (Skevington), который в царствование Генриха VIII изобрел это орудие пытки]; (рус.) *Столыпинский галстук* – виселица.

2) Мифонимы. Всего выделено 56 (19% от общей английской выборки) английских фразеологических единиц, содержащих мифонимы и 39 (15.6% от общей русской выборки) русских фразеологических единиц.

В данную группу входят библейские легенды, античные мифы и легенды.

а) библейские легенды: (англ.) *As poor as Job* – 'беден как Иов' (нищий человек); (рус.) *Содом и Гоморра*, - крайний беспорядок.

б) античные мифы: (англ.) *A Sisyphean labor* – Сизифов труд, тяжелый и бесплодный труд; (рус.) *Пиррова победа* - (победа, равносильная поражению).

3) Топонимы. Всего выделено 45 (10% от общей английской выборки) английских фразеологических единиц, содержащих топонимы и 44 (17.6% от общей русской выборки) фразеологические единицы.

По классификации Суперанской А.В. топонимы делятся на:

а) индивидуальные: (англ.) *Arkansas toothpick* - 'охотничий нож, штык'; *to get Bronx cheer* - 'быть освистанным'; (рус.) *во всю ивановскую* – очень громко.

б) групповые: (англ.) *From Dan to Beersheba* - от Дана до Вирсавии, т.е. от одного конца страны до другого, повсюду, везде. (Дан – самая северная, а Вирсавия – самая южная точка Священной земли); (рус.) *отправится в Елисейские поля* - умереть, *господа ташкентцы* - рвачи, хапуги.

в) астионимы (названия городов): (англ.) *Bronx cheer* - громкое выражение неодобрения (криком, свистом, любым шумом', особенно в выражении, (рус.) *от рижского корреспондента* - о заведомой лжи.

г) урбанонимы (названия улиц): (англ.) *Broadway boy* - 'картежник', 'крикливо, ярко одетый человек', 'дамский угодник'; (рус.) *Во всю ивановскую* - очень громко.

д) гидронимы (названия рек): (англ.) *Mississippi marbles* - 'игральные кости; (рус.) *Дунаем смотреть* - о чьем-либо угрюмом взгляде.

Разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. Так, во фразеологизмах, в которых отражена история народа, национальные имена собственные – *мамаево побоище*, *коломенская верста*, *казанская сирота*, *как швед под Полтавой*, *показать кузькину мать* и др., содержатся страноведческие знания, а их понимание связано со знанием конкретных исторических фактов. Когда англичане употребляют выражение *Tyburn blossom* 'юный правонарушитель', они зачастую не знают, что *Tyburn* – прежнее место публичной казни в Лондоне.

В результате анализа было выявлено, что как в русском, так и в английском языках наиболее многочисленной группой фразеологических единиц являются фразеологические единицы с компонентами – именами реалий и именами собственными не английского и не русского происхождения; это фразеологические

единицы – **интернационализмы**, т.е. кальки, восходящие к античности, библии.

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

Языковая картина мира в целом и главным совпадает с логическим отражением мира в сознании людей, но при этом сохраняются отдельные участки в языковой картине мира, к которым относится и фразеология; она своя в каждом языке. У каждой культуры свои слова. Чтобы считаться ключевым словом культуры, слово должно быть общеупотребительным, частотным, должно быть в составе фразеологизмов, крылатых фраз.

При исследовании английских и русских фразеологических единиц с именем собственным по лексической классификации многочисленную группу образуют фразеологизмы, в состав которых входят мифонимы.

Исследование позволяет видеть общее и особенное в английском и русском языках.

Выявленное сходство свидетельствует о том, что фразеологические единицы, содержащие мифонимы, являются общими и актуальными для обеих культур. Следовательно, язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре.

1. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии. – М., 1999.
2. *Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.П., Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского языка. – М., 1986.
3. *Квеселевич Д.И.* Русско-английский фразеологический словарь. – М., 2001.
4. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1996.
5. *Леонович О.А.* В мире английских имен. – М., 2002.
6. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.
7. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М., 1973.
8. *Eckwall E.* The Concise Oxford Dictionary of English Place-names. – Oxford, 1996.
9. *Stewart G.R.* Names on the Land. – Boston, 1971.
10. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – London, 1987.
11. *The Oxford English Dictionary.* – Oxford, 1996

Мурашев Т.И. Обыгрывание статуса словоформы и словообразование в творчестве группы NOFX

БГПУ, г. Уфа

Языковая игра изучается различными исследователями с незапамятных времен, однако часто внимание уделялось преимущественно частным видам игры, поэтому на данный момент прослеживается недостаточность системного описания языковой игры на материале как русского, так и английского языка.

Грамматика (и морфология в частности) обладает широкими возможностями для создания комического эффекта. Примером может служить “глокая куздра” Л.В.Щербы. Возможно обыгрывание значительной роли грамматики, наилучшей иллюстрацией для этого утверждения является пример, приведенный Л.В.Щербой, и подобные ему, т.е. высказывания, которые строятся с опорой на грамматику и без поддержки лексики.

В рассматриваемых нами текстах песен присутствуют примеры обыгрывания **статуса словоформы** как наименьшей текстовой единицы, ее непроницаемости, неусекаемости и т.п.

В приведенных примерах нарушается и тем самым подчеркивается аномальность расчленения словоформы:

Nonconglomerate, I mean what I say,
I'm not your f*cking **scape-**
Goat. Apparently I've alienated some,
It seems my job's half-done... (It's My Job to Keep Punk Rock Elite)

Это один из случаев, когда слово в некотором смысле приносится в жертву рифме. Используется составная рифма с переносом посередине слова. Здесь следует говорить именно об аномальности расчленения, поскольку при подобном обыгрывании нередко затрудняется понимание текста (необходимо учесть и тот факт, что текст песни чаще предстает перед нами в звуковом виде, что само по себе усложняет понимание смысла высказывания).

Аналогичный пример расчленения словоформы:

We've come to see the end,
We've all made this bed,
Now we've got nowhere to **lay-**
dies and gentlemen,
Try and understand. (Reeko)

Пауза, сделанная после первого слога в слове ladies и выраженная графически, а также изменение написания слова* позволяют выделить фрагмент, созвучный слову семантически чуждого ему класса. Контекст (слова “we've all made this bed”) и использование частицы to обуславливают наличие в данной ситуации инфинитива.

В данном случае такое изменение написания необходимо, поскольку оно обусловлено новым значением, которое приобретает отсеченный фрагмент, к тому же в сравнительно изолированном состоянии данный фрагмент приобретает новый вид, поскольку это обусловлено фонетически – для сохранения исходного дифтонга [ei].

Также в творчестве данной группы встречаются примеры использования довольно распространенного способа образования языковой игры – расчленения словоформы, сопровождаемого попыткой шутиwego осмысления фрагментов, полученных в результате этого расчленения. Возможно, этот способ не является характерным для английского языка, однако примеры его использования обнаружены в текстах песен группы NOFX, многие из которых содержатся в песне Bleeding Heart Disease. Помимо данного способа в тексте также обыгрывается использование омофонов, что можно наблюдать в следующих примерах:

Dough, what our lives are lived for,
Rae, just a crazy Aussie,
Me, the generation forges on
Fo-dder for corporations
Sew-ing our lips together,
LA, such a nice place to get shot...

Такие приемы использованы для того, чтобы создать некое подобие акростиха, так как переосмысление частей слов fodder и sewing делает их созвучными названиям нот (fa и sol), таким образом, в сочетании с вышеупомянутыми омофонами получен звукоряд из шести нот, который впоследствии дополняется седьмой, нотой си:

But don't forget the **T**, it
Follows **liber-** in the constitution
Following the part about pursuit...

Здесь комическому переосмыслению подвергаются части слова liberty: -ty совпадает по звучанию с буквой T, которая, в свою очередь, созвучна названию ноты си, при этом часть liber- приобретает значительную независимость.

Аналогичные случаи встречаются и далее в этом же тексте:

How did the chain get started?
Mo-re is what everyone wants,
Ney-dy is what none of us are.
Co-operation died last night,
Ruptured bleeding heart foresight,
Me - I'm just a loo...

Судя по всему, здесь также применяется подобие акростиха, так как из начальных частей строк составляется фраза: How money corrupt me.

Далее рассмотрим примеры **словообразования**, обнаруженные нами в творчестве данной группы. Начнем рассмотрение с **аффиксальных образований**, полученных путем **суффиксации**:

No chowder for you, 'cause clams have feelings too.
Actually they don't have central **nervousness**.
(Clams Have Feelings Too)

Данный пример представляется показательным, в нем обыгрывается термин central nervous system, с использованием одного из наиболее продуктивных суффиксов имен существительных, -ness. Данный суффикс обладает большими комбинаторными возможностями, а полученное выражение central nervousness приобретает просторечный, разговорный оттенок. Чаще всего этот суффикс

присоединяется к основам имен прилагательных. Одной из характерных особенностей потенциального словообразования является то, что обычно данный суффикс вступает в соединение с аффиксальными основами.

Аналогичным образом суффикс -о придаёт новообразованиям colloquialную и сленговую окраску. Более того, значение существительного, от которого образована данная единица, предполагает такую окраску новообразования.

Reeko, try and understand, it really is that bad,
It won't just go away, the party's over. (Reeko)

Наблюдается также использование комбинирующих форм греческого происхождения -crasy и -phobe. Такой способ словообразования можно проиллюстрировать следующими примерами:

Widespread **mediocracy** will suck you up, resist... (Remnants)

В результате получен семантически прозрачный дериват, поскольку в словарях уже зарегистрированы прилагательное mediocre и существительное mediocrity.

You don't get to magnify my insecurities,
You don't get to sit and save my **unhipocracies**. (Take Two Placebos)

В данном случае существительное образовано с помощью комбинирующей формы от прилагательного unhip, что также обеспечивает его относительную семантическую прозрачность. Само прилагательное, в свою очередь, образовано от усечённой формы hip с помощью префикса un-. Также любопытно использование полученного слова unhipocrasy в множественном числе.

Blame it on human nature, man's destiny,
Blame it on the **greediocracy**... (The Decline)

В результате добавления комбинирующей формы -crasy и промежуточного -о- к основе greedy по образцу вышеупомянутого слова mediocrasy получен новый дериват greediocrasy.

Языковая игра заключается уже в названии песни **Hobophobic** (Scared of Bums), в данном случае с помощью комбинирующей формы греческого происхождения -phobia и суффикса -ic получено адъективное образование hobophobic, причем здесь обыгрывается слово homophobia, с которым созвучно данное образование.

Префиксация. Также были выделены различные продуктивные префиксы существительных: anti-, non- и arch- и др. Если два первых являются отрицательными, то префикс arch- придает слову значение чрезмерности, превышения нормы того, что обозначено основой. Проиллюстрируем использование данных префиксов примерами:

'Cause hey, we're the Brews
Sportin' **antiswastika** tattoos... (The Brews)
Yeah, I know the right thing to do.
Yeah, **antitradition** tried and true... (180 Degrees)
Nonconglomerate, I mean what I say...

(It's My Job to Keep Punk Rock Elite)

I'm your **archenemy**, a middle-class punk... (Always Hate Hippies)

Здесь также следует привести пример, который можно классифицировать как случай использования интерфикса. В названии песни **Franco-un-American** префикс un- занимает место в середине сложного прилагательного Franco-American.

Контаминация. Интерес лингвистов к изучению контаминированных образований в разных языках впервые проявился в конце XIX – начале XX в., хотя само явление существует уже на протяжении многих веков, поскольку слова-слитки находили в санскрите, древнегреческом, древневерхненемецком, латинском. Из терминов, существующих для обозначения данного явления кажется целесообразным использовать термин “контаминация” как более приемлемый не только в английском, но и в других языках.

В качестве примеров использования контаминированных слов можно привести следующие образцы:

My oversized hat won't fit your **humongous** head...

(Take Two Placebos)

Выделенное слово образовано контаминированием прилагательных huge, tremendous и enormous, другой вариант написания – humungous. Подобные слова часто встречаются среди сленгизмов и нередко слышатся в речи школьников и подростков. Данное слово-слиток возникло предположительно в США и получило распространение примерно в конце 70-х. Существуют также аналогичные контаминированные прилагательные – ginormous, sponditious и т.д. (Т.Торн 1996 : 256).

Название песни **Gonoherpasyphiloids** говорит само за себя, оно получено в результате контаминации слов gonorrhoea, несколько искаженного herpes, syphilis и аббревиатуры AIDS.

Название песни **Herojuana**, очевидно, является результатом контаминации слов heroin и marijuana.

Морфологическое переразложение. Слова, образованные морфологическим переразложением, отличаются большой выразительностью и часто с трудом поддаются адекватному переводу. Подобные слова могут быть образованы по принципу народной этимологии. При этом может создаться впечатление о малообразованности говорящего. Но часто переразложение бывает преднамеренным, сознательно осуществляется игра формой слова.

Таким случаем является пример с названием песни **Freedumb**. Непродуктивный суффикс -dom в слове freedom заменен на прилагательное dumb, причем подмена основана на созвучии суффикса и слова, звучание и значение которого обыгрываются в полученном новообразовании. Такой прием позволяет подчеркнуть смысл текста песни, в которой такое явление, как свобода самовыражения, сравнивается с “еще одним фарсом в американской политике”.

Drug-free America for me.

Say “nope to dope”

When it's not for free... (Drug-Free America)

Комический эффект в данном отрывке основан на обыгрывании словообразовательной структуры сложного прилагательного drug-free. Оно образовано

по модели N+A. Происходит переосмысление части -free и обыгрываются 2 разных ее значения: “лишенный чего-либо” и “бесплатный”.

Прием, использованный в песне **Professional Crastination**, также любопытен, поскольку слово procrastination латинского происхождения (от pro- + crastinus) рассматривается как результат контаминации слов professional и crastination.

В названии независимой фирмы грамзаписи **Fat Wreck Chords**, основанной лидером группы, также используется языковая игра. В данном случае налицо пример омофонного переразложения, так как последние два слова полученного названия созвучны слову records, которое обычно используется для обозначения компаний подобного типа. Здесь также заменяется словообразовательная морфема re-. Первая часть названия содержит слово Fat, так как лидер группы многие годы носит прозвище Fat Mike.

Семантическое переразложение основано на таком употреблении слова (намеренно или по незнанию), при котором оно вовлекается в новые семантические связи, сближаясь по смыслу со словами, с которыми в действительности его ничто не объединяет. Так как мотивированность является одним из структурообразующих элементов языкового знака, сознательный или непреднамеренный пересмотр устоявшихся семантических отношений, новое прочтение традиционного сочетания производит значительный эффект.

Так, например, в морфологической структуре прототипа может быть выделен фрагмент, омонимичный слову семантически чуждого ему класса. Данное утверждение можно проиллюстрировать следующими примерами:

Professional crastination, we're living
In a **procrasti-nation**... (Professional Crastination)
Is anybody learning from the past?
We're living in **united stagnation**. (The Decline)

В приведенных случаях в словах procrastination и stagnation выделяется часть -nation и приобретает самостоятельное значение, которое можно перевести как “страна”, “государство”. Во втором примере обыгрывается выражение united nation.

Название песни **Decom-poser** также является примером семантического переразложения, где сегмент -poser, очевидно, представляет собой искаженный вариант заимствованного из французского языка слова poseur, которое созвучно сегменту -poser в исходном слове decomposer.

One more round, then it's bottles to the ground,
Smashing of the glass, what a **supersonic** sound...
(Bottles to the Ground)

В приведенном отрывке суть ремотивации заключается в том, что слово supersonic приобретает новые семантические связи и префикс super- использован не в значении “сверх-” (как в слове “сверхзвуковой”), а скорее приобретает значение “отличный”. При любом значении префикса super- выражение supersonic sound является нестандартным. В первом случае будет получено оксимофорическое выражение, а при использовании переосмысленной словоформы оно будет тавтологичным.

Следует заметить, что переразложение как прием часто встречается в языковой игре. Непреднамеренное переразложение может являться характерной особенностью речи малограмотных людей, иностранцев, детей. Сознательное переразложение используется с целью создания юмористического эффекта.

Звуковая и морфемная структура любого слова является носителем потенциальной значимости, которая всегда может быть актуализована. В зависимости от того, какой аспект – план выражения или содержания – вовлекается в языковую игру, различается семантическое и морфологическое переразложение.

Языковая игра как один из видов эстетически ориентированного творчества, в котором каждый человек может проявить свою индивидуальность, активизирует скрытые в языке семантические потенциалы, помогает преодолеть инерцию восприятия ставших привычными средств выражения.

Список использованной литературы

Бочаров О. Oh, no! It's NOFX again! // Painkiller. – М., 8 июля 2000. – С. 34 – 35.

Бочаров О. Punk Rock Энциклопедия. – М., 1999. – 66 с.

Ганеев Б.Т. Язык. – Уфа, 1999. – 204 с.

Нухов С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное. – Уфа, 1997. – 178 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – 544 с.

Farb P. Word Play : What Happens When People Talk. – N.Y., 1976. – 421 p.

Thorne T. Dictionary of Modern Slang / Торн Т. Словарь современного слэнга. – М., 1996. – 592 p.

<http://www.nofxofficialwebsite.com>

<http://www.punkbands.com/nofx>

Петросян Е. А. Англо-американские заимствования в современном немецком языке

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Словарный состав языка находится в состоянии постоянного изменения. Постоянное обогащение лексико-семантической системы языка является одним из законов исторического развития языка как общественного явления. Наиболее заметным в развитии языка является процесс обогащения лексики. Существует три основных способа пополнения словарного состава любого языка: а) словообразование; б) изменение значения слова; в) заимствование. Процесс заимствования характеризуется сложностью и многоступенчатостью, изменчивостью и непостоянством. Актуальность и важность проблем, связанных с заимствованием, постоянно привлекает внимание лингвистов к лексике иноязычного происхождения.

Заимствование есть неотъемлемая составляющая функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами, т. к. возникновение и развитие любой языковой культуры основывается главным образом на межъязыковых контактах [von Polenz, 1972, с. 76]. Таким образом, природа заимствований всегда амбивалентна: она ориентируется, с одной стороны, на какой-то ксеноморфный артефакт, тем самым апеллируя к культуре-донору (КД), с другой - обращается к культуре-реципиенту (КР), создавая в ней некий «отпечаток» другой культуры, закреплённый в языке определённым знаком. Данное познание позволяет сделать вывод, что заимствования есть некие выражения «интерагирования» определённого народа, его развития и самоутверждения. Разные уровни развития стран нередко бывают причиной интернациональных заимствований, когда некая языковая культура имеет показательную функцию, влияя тем самым на отстающие культуры в плане политического, культурного, общественного или экономического развития [Вагке, 2000, с. 24]. В истории любого языка есть фазы заимствований. Фаза, или «волна», есть некий этап развития языка, в который предпочиталось или было выгодным заимствовать слова и выражения из какого-то определённого языка с точки зрения самоутверждения, становления или обогащения КР [Вагке, 2000, с. 24]. В некотором роде все заимствования есть реалии КД. Их появление в КР диктуется определёнными преобразованиями социально-общественного, политического, промышленно-экономического порядка и т. п. Любая инновация, любая стратегия развития со стороны КД может стать причиной появления заимствований в КР. Таким образом, «волны» заимствований говорят прежде всего об исторических периодах, связанных с нарушением внутрикультурного баланса КР, о её переориентировках относительно наиболее успешной КД и тактике подражания лучшему. Всякая фаза заимствований сопряжена так или иначе с одним и несколькими переломами или подъёмами в политической, эко-

номической, культурной, социальной сферах и т. п. На примере фаз англоязычных заимствований в немецком языке можно видеть, что толчком для внедрения англицизмов либо американизмов служили весомые политические, экономические, культурные или же социальные преобразования в Германии под влиянием английской или соответственно американской культуры.

Выделяются две «волны» англоязычных заимствований в немецком языке: 1) периода индустриальной революции конца XIX в. - начала XX в. и 2) времени с конца второй мировой войны до наших дней.

Особенно интенсивным периодом в истории лексики немецкого языка стала вторая половина XX века, начиная с мая 1945 года. За прошедшие более чем полвека в немецкой действительности произошли радикальные перемены: изменились политические условия жизни носителей языка, наблюдаются значительные успехи экономики и совершенствование социальной системы. Все это в сочетании с общими для европейской культуры техническими и материальными новшествами не могло не сказаться на количественном росте современного вокабуляра, на формировании отдельных его участков. Кроме того, жизнь общества – это постоянное движение. Это большие, малые и совсем неприметные изменения и события, появление значительных или малозначительных или даже, казалось бы, совсем неважных, но раньше совсем не существовавших или незаметных фактов любого рода – начиная от новых предметов потребления и заканчивая новыми культурно-историческими и социально-политическими идеями. Все эти перемены, признаваемые обществом, требуют и получают соответствующее словарное оформление в виде названий (номинаций). Таков основной мотив заимствования новой лексики – от отдельных слов до развернутых названий, словосочетаний.

При этом отношение к заимствованиям и у широких масс носителей языка, отдельных небольших групп коммуникантов и у лингвистов весьма отличается. С позиции языковой культуры принято различать «необходимые заимствования» и «избыточные». К первым относят такие новые наименования, которые появляются в связи с новыми объектами обозначения – новыми предметами, техническими изобретениями, новыми идеями, номенклатурами и т.д. Избыточными считают появление новых обозначений, синонимичных уже имеющимся, а также заимствований из чужих языков.

Обычно наиболее эмоционально реагируют на появление «ненужных», «некрасивых», «неправильных» слов лингвисты. Особое возмущение вызывают иностранные заимствования, а для нынешнего времени это в первую очередь англо - американизмы.

Говоря об англо – американизмах в современном немецком языке следует отметить, что в конце XX – начале XXI столетия на немецких граждан буквально обрушился шквал заимствований из английского и американского, причем различного вида, в различных проявлениях и в различные сферы жизнедеятельности немецкого общества. Англо-американизмы можно сгруппировать в следующие подгруппы :

1. Bauen und Wohnen (Apartment, WC, Lift, Center);
2. Forschung, Wissenschaft und Technik (Equipment, Know-how, Service, Standart);
3. Foto und Optik (Disc-Kamera, Flash, Shutter);
4. Gesundheit, Medizin, Kosmetik (Aids, Streß, Body Lotion, Make-up, relaxen);
5. Informationstechnik (Bit, Byte, CD-Rom, Computer, editieren, Hacker);
6. Kultur und Bildung, Literatur und Kunst (Bestseller, Ersay, Love-Story, Promoter);
7. Nahrungs – und Genußmittel, Gastronomie (Bar, Brandy, Chips, Cream, grillen, Fast food);
8. Natur und Umwelt (Greenpeace, Smog, Setter);
9. Schaugeschaft und Unterhaltung (Musical, Actionfilm, Cast, Personality-Show, Star);
10. Sport, Spiel, Freizeit (Baseball, Beach-Volleyball, Cross, dribbeln, Jogging, Start, Team);
11. Staat, Recht, Politik, (Check point, Holocaust, killen, Law and order, Royalty);
12. Szene – und Jugendjargon (autpeppen, crazy, cool, O.K., Punk, Tattoo, Trouble);
13. Telekommunikation, Post (Handy, Hotline, Internet, E-Mail);
14. Verkehrswesen, Seefahrt (Cab, chartern, Crash, Jeep, Luxusliner, SOS, Truck);
15. Wirtschaft, Handel, Finanzen (Boom, Chipkarte, Discountgeschäft, Eurocard, Holding);
16. Mensch – Berufsleben, Tatigkeit (Babysitter, Bodyguard, Controller, jobben, managen);

Таким образом становится очевидным, что немецкий язык во всех областях современной общественной жизни (от простейшего визита в магазин до сложнейших наук) заменен неслыханным количеством английских слов и даже полностью ими вытеснен. В такой тенденции лингвисты видят опасность, поскольку немецкий язык может лишиться своей выразительности и экспрессивности, а возможно и вообще будущего.

Тенденция увеличения словарного состава немецкого языка посредством англо-американских заимствований приняла гротескные формы. Данная проблема вышла на государственный уровень. Причем важно подчеркнуть, что так называемая «языковая политика» это явление, характерное не только для Германии. Несколько десятилетий назад во Франции вышел закон о «Препятствии и предотвращении засорения французского языка английскими словами». Данному примеру последовали Словакия и Польша. При этом органы власти исходили из того, что язык страны передает ее культуру, служит ее национальному своеобразию.

Вопрос о сохранении немецкого языка как национального языка Германии встал в последние годы особенно остро. И, прежде всего, эта проблема заинтересовала лингвистов. Так, в 1997 году профессором доктором В. Кремером было основано объединение «Немецкий язык» в Дортмунде. На данный момент это самое крупное объединение в Германии (насчитывает 14000 членов), которое занимается проблемами языка. Оно разделено на 23 региональные группы и имеет свой научный совет. Члены совета ставят своей целью сохранить немецкий язык как независимый и самобытный, тесно связанный с культурой немец-

кого народа. В особенности они стремятся оградить его от переполнения англо-американизмами.

Для решения этой проблемы членами объединения была разработана специальная программа. Главная цель программы – это по возможности максимальное снижение употребления в немецком языке англо-американских заимствований, причем во всех областях жизни немецкого общества: в прессе, на радио и телевидении, в законодательных, научных текстах, языке рекламы, а также в устном повседневном общении.

Пути и способы осуществления программы дискутировались членами объединения очень долго. Поступали предложения издать «Закон о немецком языке», создать Академию языка. Было предложено также вообще не предпринимать специальных мер, поскольку проблема решится сама собой («англицизмы и американизмы исчезнут также быстро как они пришли в немецкий язык»). А некоторые члены объединения высказали опасения, что немецкий язык ничто не спасет и он вообще скоро исчезнет как самостоятельный культурный язык.

Но все-таки ученые – лингвисты остановились на том, что разработают определенные критерии, позволяющие снизить употребление в немецком языке англо-американской лексики. Причем по их мнению этот процесс займет не год и не два, а более длительный период.

Первые попытки сразу же воплотились в жизнь. Так, объединением «Немецкий язык» уже издан так называемый «Anglizismenliste». Этот словарь – справочник, содержит 5.085 единиц, рассчитан на широкие массы людей. С тем, чтобы говорящий или пишущий мог легко найти англо-американским заимствованиям немецкий эквивалент и сам решил, какое же из слов (немецкое или английское) использовать в речи или при письме.

То, что англо-американизмы переполнили немецкий язык, более чем очевидно. Ученые пытаются выяснить пути и причины столь масштабного проникновения английской лексики в немецкий язык. Главной причиной они считают назойливость рекламы по радио, телевидению и прессе. Кроме этого в самой прессе – газетах и журналах различной тематики - люди постоянно сталкиваются с англо-американскими вкраплениями. Причем замечено, что новые заимствования встречают одобрения и поддержку именно у людей, определяющих лицо массовой информации (радио, ТВ, прессы), и у молодых носителей языка. По-видимому эти слова соответствуют духу времени.

Наиболее «молодые» англо-американизмы следует искать в сфере современных видов коммуникации, интерактивных связей и Интернета. Многие предметы быта вошли в обиход под иностранными названиями, чаще всего англо-американскими. Так, англицизм *das Cover* регулярно стал использоваться для обозначения иллюстрации на обложке журнала или конверта, футляра для диска, его можно встретить и в словарях современного немецкого языка. От него произошло и слово *Covergirl* (изображение девушки на конверте компакт диска) и т.п.

То же можно сказать и о сфере спорта, когда становятся популярными новые спортивные занятия, например парапланеризм или фристайл, и появляется соответственно, новая терминология.

Иногда в немецком языке появляются заимствования, структура которых не нарушает общих представлений о стереотипном, стандартном немецком слове. Именно такие англо-американизмы вливаются в немецкий вокабуляр малоприметной, но довольно плотной струей. Малоприметной, потому что их морфологический состав известен, модель их строения стандартна, а смысл обозначения легко выводим из структуры слова. (например, *Modemacher, Theatermacher, Medienmacher*).

И все таки хотелось бы выяснить, почему же большинство немецких граждан отдают предпочтение англо-американизмам?!

Давно известно, что иностранные слова часто имеют перед родными синонимами то преимущество, что аттестуют говорящего в социальном плане более высоко. С помощью таких слов человек утверждает свой культурный и общественный авторитет, заявляет свои претензии на культурное и деловое превосходство. Их употребление диктуется желанием подчеркнуть уровень информированности о новом, современном, технически приоритетном. Этот мотив может объяснить в ряде случаев переход от немецких наименований к английским.

Некоторые снобистски настроенные группы носителей языка полагают, что употребить в разговоре английские слова *happy, fashionable* престижнее или «элегантнее», чем немецкие *glücklich, modisch*. А сам разговор на общие темы, то, что прежде именовалось *Konversation*, ныне в ситуациях (когда речь идет о званном приеме гостей, о непринужденной беседе высокопоставленных лиц и т.п.) называют *small talk*. И даже лингвисты пользуются обозначением *das Smalltalk* как термином, говоря об этом типе речевой коммуникации. О престижности обозначения свидетельствует перенос его из области дипломатических и светских разговоров в сферу обслуживания.

Нередко можно встретить престижные английские слова – наименования гастрономии, употребленные вместо более «скромных» немецких. Например, *Porridge* вместо *Haferbrei*, *Crab – Meat* вместо *Krabbenfleisch*. В молодежных слоях носителей языка постоянно отмечается мода на престижные англо-американизмы *mein Dad(dy)* или *my family*.

Итак, заимствования, особенно обозначающие нечто актуальное для современной жизни общества, довольно быстро вливаются в немецкий язык и употребляются его носителями в разных видах коммуникации. И более того, эти англо-американские заимствования быстро вступают в акты дальнейшего инновационного процесса. Так, они становятся для новых обозначений, организованных способами словосложения, словопроизводства, аббревиацией и т.п. В результате возникают, например: 1. *Software* (материальное обеспечение компьютера) – *Software – Entwicklung, Software – Spezialist, Software – Ingenieur*; 2. *Rock* (музыка в стиле рок) – *Rockmusik, Rockoper, rocken, rockig*. 3. *Jogging* (бег трусцой) – *joggen, der Jogger, der Jogger – Dress*.

К способам образования новых наименований в современном немецком языке относится и образование по аналогии. Например, заимствованное из английского языка во второй половине XX века интернационально известное *Musical* (русское мюзикл) дало импульс к возникновению наименований

Grusical (фильм ужасов), Historical (фильм, пьеса на историческую тему), Political (музыкально-сатирическое политическое ревю).

Эти слова многократно используются сегодня как авторами этих произведений, так и критиками. Но наряду с этими названиями можно встретить и шуточные, пародийные слова: Absurdical, Metaphysical, Interhaltical, Knastical, Erotical, Frostical. Причина их заимствования как более «престижных», «красноречивых», «выразительных» слов – есть экспрессивность новизны.

Х.Т.Шмитц очень точно выразил состояние современного немецкого языка: «Englisch ist uberall in und up to date, Deutsch ist vielfach, schon vollig out». Специалисты считают, что немецкий язык - это не просто язык немецкого народа, это его культурное наследие. И прежде всего его нужно сохранить для последующих поколений!

Позныш А. С. Формально-грамматические критерии категории залога в современном английском языке

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Вопрос категории залога в английском языке был и остается до настоящего времени в центре внимания и интереса многих лингвистов, таких как Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, М. М. Гухман, А. А. Потебня, О. Есперсен. Причина заключается в необходимости выделения взаимного, возвратного и среднего залогов в качестве отдельных граммем категории залога.

Грамматической категорией залога называется глагольная категория, которая выражает направление действия к субъекту (производителю действия) и объекту действия (предмету, над которым действие производится).

В традиционной грамматике категория залога трактуется как морфологическая категория глагола, которая, как и всякая морфологическая категория, представлена противопоставлением категориальных форм действительного и страдательного залога. Своеобразие категории залога заключается в том, что она связана не с одним, а, по крайней мере, с двумя уровнями языка — морфологическим и синтаксическим, что и учитывается при морфолого-синтаксическом подходе к его описанию. Преимущество морфолого-синтаксической теории залога в том, что ей удается преодолеть ограниченность как морфологической, так и синтаксической концепции залога.

Однако, адекватное описание залога может быть достигнуто лишь при учете еще и семантического уровня, на котором получают сведения о собственно лексической семантике глагольной леммы. Залоговая парадигма каждого глагола определяется его лексическим значением, различные залоговые разряды глаголов базируются на их различных лексико-семантических классах, а залог представляет собой, следовательно, многоплановую лексико-синтаксическую (или морфолого-лексико-синтаксическую) категорию, отображающую соотношение между лексическим типом глагола и синтаксической структурой глагольного предложения.

В английском языке существует большая проблема, связанная с категорией залога. Это проблема так называемых средних залогов, формы которых функционируют иначе, чем активные либо пассивные.

Как известно, большинство грамматистов выделяют лишь два залога в английском языке: активный и пассивный. Г. Потсма единственный грамматист, кто допускает существование возвратного залога, который формируется при помощи местоимения *self* в комбинации с глаголом. Если допустить существование такого залога или, по крайней мере, таких комбинаций как *he stretched himself, he flung himself into the arm-chair, etc.*, где очень сложно различить глагольно-объектные отношения, то можно говорить о появлении совершенно нового типа аналитического спряжения английского глагола. В этом случае возвратные местоимения выражают не только категорию залога, но и категории лица и числа в аналитическом смысле.

Типичной для английской научной грамматики является теория развития нового действительного пассивного залога, который формируется при помощи таких вспомогательных глаголов как *to keep*, *to get* or *to become*, которые на самом деле являются разновидностью именного сказуемого с глаголом-связкой.

Рассмотрим следующие примеры:

I will shave and wash, and be ready for breakfast in half an hour. (Doyle, 2000 г., с. 39). *I'm afraid Mary hasn't dressed up yet.* (Doyle, 2000 г., с. 50). *Now I see your son is thoroughly preparing for the entrance examinations.* (Doyle, 2000 г., с. 98).

Выделенные глаголы в данных предложениях являются действительными, переходными в форме активного залога. Но залог в данном случае не может являться активным, так как действия не направлены субъектом на внешний объект или другого участника ситуации, а замыкаются на субъекте. Таким образом, мы имеем дело с возвратным залогом. Та же самая направленность на субъекта наблюдается и в таких комбинациях с возвратными местоимениями как: *I will shave myself, wash myself; Mary hasn't dressed herself up yet; your son is thoroughly preparing himself.*

В то время как большинство лингвистов не сомневается в существовании страдательного залога, относительно возвратного залога существуют прямо противоположные мнения.

Выделение возвратного залога у ранних грамматистов базировалось на аналогии с другими европейскими языками. Дальнейшие исследования показали, что некоторые основания для этого действительно можно найти — особое соотношение глагола с возвратным местоимением, с одной стороны, и с подлежащим — с другой. Возвратное местоимение может функционировать как прямое дополнение, наряду с другими дополнениями, но в других случаях оно или замыкает действие на его источнике, или меняет значение глагола.

Так, в предложении *I poured myself another cup of tea* (Doyle, 2000 г., с. 132) возвратное местоимение функционирует как любое другое дополнение (*I poured him a cup of tea*).

Проблема заключается в том, достаточно ли оснований предоставляет языковой материал для выделения возвратного залога как особой грамматической категории, хотя бы и категории малого охвата. Однако указанное выше различие внутри сочетаний данного типа позволяет поставить вопрос и по-иному, как он и был поставлен рядом исследователей: можно ли рассматривать эти сочетания не как особый залог, а как особый подтип возвратных глаголов, по-разному соотносящихся с возвратным местоимением. Тогда возвратные глаголы займут определенное место в полевой структуре глагола.

Согласно традиционной формулировке взаимный залог обозначает обоюдное действие двух или нескольких субъектов.

No words were distinguishable in the songs; runs trills, two sorrowful single notes of exceeding beauty followed one another. (Doyle, 2000 г., с. 39).

We knew that we could trust each other but all our results were vitiated by the presence of an outside. (Doyle, 2000 г., с. 14).

We met at dinner the other night. (Christie, 2000 г., с. 100).

Исследуя проблему взаимного залога в английском языке, приходится отвечать на такие же вопросы, как и при рассмотрении вопроса о возвратном залоге. Главный из них - является ли сочетание "глагол + взаимное местоимение (each other / one another)" аналитической формой взаимного залога?

Для ответа на этот вопрос нужно установить следующее:

1. Обладает ли сочетание глагола с взаимным местоимением семантической целостностью, достаточной для признания его стабильной аналитической формой?
2. Можно ли считать взаимное местоимение при глаголе морфологическим средством выражения значения взаимности?
3. Выступает ли рассматриваемое сочетание в предложении как один член или как свободное синтаксическое сочетание?

Говорить о какой бы то ни было идиоматичности применительно к конструкции "глагол + взаимное местоимение" не приходится, так как значение конструкции может быть представлено суммой значений составляющих её компонентов. Семантически предложение "They comforted one another" аналогично предложению "They comforted the neighbours": в обоих случаях действие субъекта направлено на объект, который в первом случае тождественен субъекту, а во втором - отличен от него.

Таким образом, как и в случае с возвратным залогом, необходимо признать отсутствие форм взаимного залога в английском языке. Глагол в предложениях типа "They comforted one another" выступает в форме действительного залога, а взаимное местоимение при нём выполняет функцию прямого дополнения. Значение взаимности передаётся чисто лексическими средствами.

Согласно широко распространённой формулировке средний залог указывает, что действие, исходящее от субъекта, замыкается в его же сфере.

His head did not turn as he spoke. (Doyle, 2000 г., с. 121).

as he passed up the staircase the door opened, and the man himself looked out at him. (Doyle, 2000 г., с. 196).

Bobby's expression had changed several times ... (Christie, 2000 г., с. 29).

Суть проблемы обозначится более чётко, если мы сравним употребление глаголов в вышеприведённых примерах с употреблением их в следующем наборе предложений:

1. *You send her into the cellar on some errand, and then turn the key upon her ...* (Doyle, 2000 г., с. 211).

2. *She opened the envelope and drew out the contents.* (Christie, 2000 г., с. 71).

3. *I really must try to make him change the way he dresses ...* (Doyle, 2000 г., с. 11).

В предложении "His head did not turn" диатеза глагольной лексемы turn представлена лишь субъектом действия, в то время как в предложении "You turn the key" - субъектом и объектом действия. В семантическом плане это означает, что во втором примере мы имеем дело с действием, переходящим с субъекта на объект, а в первом примере действие определённо производится субъектом, но при этом направленностью на объект не характеризуется. Иными словами, мы имеем дело с различиями в семантике глагола to turn в обоих случаях.

Так в предложении "His head did not turn" глагол to turn (поворачиваться) имеет значение "самостоятельно производить вращательное движение", а в предложении "You turn the key" глагол to turn (поворачивать) имеет значение "вызывать вращательное движение объекта".

При очевидной схожести этих лексических значений глагола различие между ними представляется существенным, так как именно на его базе у глагола to turn выделяются два значения - переходное и непереходное, и именно это различие определяет синтаксическую сочетаемость глагола: так во втором примере to turn (переходный глагол) принимает прямое дополнение, в первом же примере он такой способностью не обладает.

В этой связи стоит подвергнуть рассмотрению уже упомянутые нами примеры "немаркированного" употребления некоторых глаголов в возвратном и взаимном значениях.

I really must try to make him change the way he dresses ... (Doyle, 2000 г., с. 135).

The next time we met he might be the colonel and I the sergeant. (Greene, 1968 г., с. 201).

Значения глагола to dress в значении "одеваться" и сочетания to dress oneself эквивалентны. Однако значение возвратности реализуется в них по-разному:

— в глаголе to dress (одеваться) элемент возвратности действия включён в саму семантику глагола, и внешнее выражение объектной направленности действия, соответственно, отсутствует. Данный глагол в указанном значении не сочетается с дополнением и, следовательно, является непереходным.

— в сочетании to dress oneself глагол to dress выступает в своём переходном значении, принимая прямое дополнение (возвратное местоимение). Таким образом, значение возвратности действия в сочетаниях подобного рода выражается лексическими средствами.

Данная схема анализа справедлива и для глаголов / сочетаний "глагол + местоимение" со значением взаимности (to meet, to kiss, to fight, to divorce, etc.)

Итак, сопоставим следующие предложения:

1. *...as he passed up the staircase the door opened, and the man himself looked out at him.* (Doyle, 2000 г., с. 196).

2. *I really must try to make him change the way he dresses.* (Doyle, 2000 г., с. 11).

3. *The next time we met he might be the colonel and I the sergeant.* (Greene, 1968 г., с. 201).

С точки зрения морфологии, интересующие нас глагольные формы объединены одним общим признаком - немаркированностью. В этом отношении они полностью совпадают с действительным залогом.

Что касается семантического наполнения данных форм, то все эти три глагола в указанных контекстах реализуют своё субъектное значение, то есть обозначают действия, протекающие в сфере субъекта, не затрагивающие "внешние" объекты. При этом подлежащее обозначает либо активного исполни-

теля действия (как в примере "he dresses"), либо - в более широком смысле - его начальную точку (как в примере "the door opened").

Это обстоятельство позволяет объединить рассматриваемые формы в одну группу и противопоставить их страдательному залогу.

Проблема категории залога в английском языке появилась уже давно и до сих пор привлекает внимание лингвистов. В традиционной грамматике категория залога трактуется как морфологическая категория глагола, которая, как и всякая морфологическая категория, представлена противопоставлением категориальных форм действительного и страдательного залогов. Проблема заключается в том, достаточно ли оснований представляет языковой материал для выделения возвратного, взаимного и среднего залогов как особой грамматической категории.

Залог - категория глагола, основанная в семантическом плане на возможности несовпадения логической (субъект > предикат > объект) и синтаксической (подлежащее > сказуемое > дополнение) направленности действия. На морфологическом уровне категория залога представлена формами действительного и страдательного залогов (актив - немаркированный член оппозиции, пассив представлен аналитической формой - сочетанием вспомогательного глагола to be и причастия II знаменательного глагола). Категория залога непосредственно связана с категорией переходности / непереходности глаголов, хотя в современном английском языке эта связь нередко является относительной. Для сопоставления неоднородных залоговых форм в различных языках используется универсальное понятие диатезы - соответствие между ролями компонентов глагольной лексики и выражающими их членами предложения.

Следует отметить, что современная английская система залога характеризуется наличием ряда специфических черт, зачастую несвойственных другим, даже наиболее близким к английскому языкам.

Таким образом, необходимо отметить неправомерность признания возвратного, взаимного и среднего залогов в качестве отдельных граммем категории залога. Актив и пассив, следовательно, составляют единственную стабильную, подтвержденную на семантическом и грамматическом уровнях залоговую оппозицию.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день в стандартном английском языке существует относительно устойчивая категория залога, выражающая отношения в системе "исполнитель - действие - объект".

Полухина И.В. Информативный компонент речевой интенции обещания и средства его выражения в английском языке

Оренбургский государственный университет, Оренбург

Со времени возникновения теории речевых актов, в рамках которой впервые был рассмотрен феномен интенциональности речевого поведения, а сам термин «речевая интенция», будучи заимствованным из сферы философии, прочно закрепился в лингвистической науке, проблема изучения данного явления не теряет своей актуальности. На данном этапе российскими и зарубежными учеными активно изучаются и анализируются средства языковой номинации различных интенциональных состояний в системе естественных и искусственных языков, а само явление речевого намерения является одним из объектов изучения уже двух основных лингвистических течений, занимающихся проблемами интенциональности речи: теории речевых актов и теории релевантности. Помимо исследований, направленных на изучение природы и свойств речевой интенции, все это время велась и до сих пор активно ведется работа по изучению средств выражения речевых намерений на поверхностном уровне.

Тема «Информативный компонент речевой интенции обещания и средства его выражения в английском языке» очень велика и определяется возросшим в последнее время интересом исследователей-лингвистов к феномену речевой интенции и, в особенности, к средствам вербального выражения определенных видов речевого намерения, в частности информативному компоненту интенции обещания. Кроме того, несмотря на достаточно давнюю историю понятия речевого намерения в применении к участникам вербальной коммуникации, до сих пор не существует единого понимания количества и свойств компонентов речевой интенции, мыслимой как сложное, многоуровневое образование, определенные составляющие которого имеют свои особые средства выражения на поверхностном уровне, часто реализующиеся в пределах одного акта речи.

На протяжении последних нескольких десятилетий не ослабевает интерес лингвистов к перформативным глаголам и соответствующим им речевым актам. Существует большое количество различных классификаций этих глагольных действий, но до сих пор не выявлен общий принцип классификации и поэтому выделение подгрупп перформативных глаголов всеми авторами производится по-разному, разным оказывается и наполнение этих подгрупп.

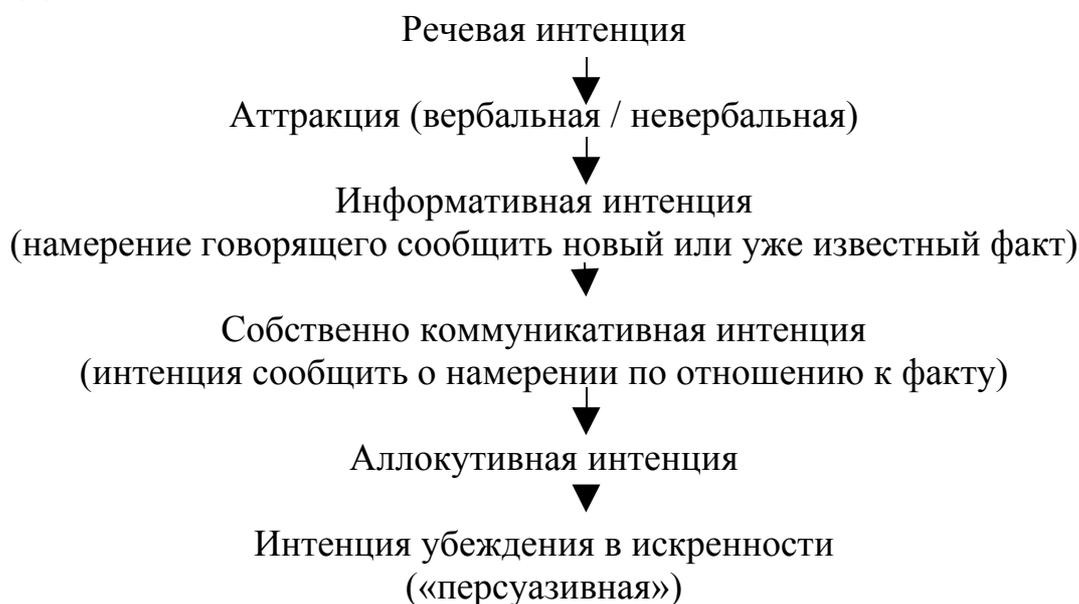
Следует особо подчеркнуть, что большинство глаголов, а в том числе и глаголы обещания, являются многозначными, а, следовательно, могут номинировать несколько речевых намерений. Глагол «to promise», признаваемый многими исследователями комиссивных речевых действий (а именно комиссивы признаются актами речи, выражающими принятие на себя какого-либо обязательства или совершение обещания) за ядро семантического поля средств номинации речевого намерения обещания, может выполнять как иллокутивную функцию обещания, так и функцию утверждения чего-либо с высокой долей от-

ветственности за сообщаемую информацию. Таким образом, помимо собственно коммуникативной интенции, аллокутивной интенции (выбор говорящим оптимальных языковых средств для достижения поставленной цели), персуазивной интенции (убеждение слушающего в искренности намерения говорящего по отношению к факту), он может номинировать еще и информативную интенцию. Информативная интенция – это намерение говорящего сообщить новый или уже известный факт.

Здесь следует упомянуть модель общей речевой интенции, которая помимо интенциональных компонентов, содержит дополнительные компоненты речевой интенции, представленные с точки зрения их иерархии.

Таким образом, модель схема общей речевой интенции может быть представлена следующим образом (См. Схему №1):

Схема №1

В силу того, что нас интересует именно информативная интенция, важно упомянуть, что на основании ситуативно-структурного подхода выделяются две группы промиссивных речевых действий, отличающихся друг от друга характерными ситуативными условиями употребления, и, соответственно особенностями структуры:

а) Классический промиссив, который выглядит следующим образом: перформативная формула + пропозиция, содержащая действие в будущем времени, мыслимое как обещаемое. Например:

1) «*And you promise that we will live together and have a life together, you and me!*» (D.H. Lawrence, «*Lady Chatterley's lover*»).

«*И ты обещаешь, что мы будем жить вместе, одной жизнью, ты и я?*» (Д.Г. Лоуренс, «*Любовник леди Чаттерли*»).

2) «*I beg you not to let Stricklend come here. Anyone else you like. Bring a thief, a drunkard, any outcast off the streets, and I promise you that I will do everything I can for them gladly.*» (W.S. Maugham, «*The Moon and Sixpence*»).

«*Умоляю тебя, не приводи сюда Стрикленда. Кого хочешь, только не его. Приведи вора, пропойцу, первого попавшего бродягу с улицы, и я обещаю тебе,*

что с радостью **сделать** для них все, что в моих силах». (В.С. Моэм, «Луна и Грош»).

Также, классические речевые акты, в свою очередь могут быть представлены двумя вариантами:

- сложный (информативная интенция выражена с помощью придаточного предложения, следующего за перформативной формулой):

1) «*But he promised he wouldn't say a word about his murder...*»

(М.Твэн, «*The Adventures of Tom Sawyer*»).

2) «*But at last he agree to try you, and I promise I will stay if you fail him, so you can imagine how popular you are with me*» (Evelyn Waugh, «*Brideshead Revisted*»).

«В конце концов, он согласится попытать счастья с вами, а я обещаю, что останусь, если и это не получится, так что можете себе представить, как я рада вашему прибытию». (И.Во, «*Возвращение в Брайдсхед*»).

- инфинитивный (информативная интенция выражена инфинитивной фразой, следующей сразу за перформативной формулой):

1) «*I say, I have got a lot to talk about, and I promise that chap at the Traveller's I will give him his revenge this afternoon*» (Evelyn Waugh, «*Brideshead Revisted*»).

«Послушайте, мне надо о многом переговорить с вами и я обещаю тому тину в клубе дать отыграться сегодня». (И.Во, «*Возвращение в Брайдсхед*»).

2) «*... and promised He would make me rich, some day...*» (М.Твэн, «*The Adventures of Tom Sawyer*»).

«...И обещал сделать меня богатым однажды...» (М.Твэн, «*Приключения тома Сойера*»).

б) Дизъюнктивный промиссив, представляющий собой своеобразное подтверждение уже озвученной собственно коммуникативной интенции и / или информативной интенции обещания: таким образом, данный акт является ответом на запрос промиссива-подтверждения. Например:

«*You promise me, don't you?*». – «*I promise. I promise so faithfully*». (D.H. Lawrence, «*Lady Chatterley's lover*»).

«Ты обещаешь? Да, я обещаю. Даю слово». (Д.Г. Лоуренс, «*Любовник леди Чаттерли*»).

Более того, существует классификация промиссивных речевых по количеству компонентов интенций, выраженных на поверхностном уровне, в соответствии с этим выделяются следующие группы промиссивов:

а) Акты с реализацией всех трех компонентов речевой интенции обещания, например:

«*Connie had promised [собственно коммуникативная интенция] so faithfully [персуазивная интенция] she would come back [информативная интенция] to Wragley.*» (D.H. Lawrence, «*Lady Chatterley's lover*»).

«Кони со всей твердостью дала слово, что вернется в Рагби.» (Д.Г. Лоуренс, «*Любовник леди Чаттерли*»).

б) Промиссивные речевые акты с реализацией двух компонентов интенции. Например:

«And I give you my word [собственно коммуникативная интенция] that I will meet you by the news-stand on the lower level [информативная интенция].» (F.Scott Fitzgerald, «Great Gatsby»).

«И я обещаю, что встречу тебя внизу, на перроне, у газетного киоска.» (Ф.С.Фитцджеральд, «Великий Гэтсби»).

в) Промиссивные речевые акты с реализацией одного компонента интенции. Например:

««I will tell you a family secret, she whispered enthusiastically.» (F.Scott Fitzgerald, «Great Gatsby»).

«Я тебе открою фамильную тайну, - оживленно зашептала она.» (Ф.С.Фитцджеральд, «Великий Гэтсби»).

Кроме того, хотелось бы привести пример условно стимулирующих речевых актов (функционально-интерактивный подход к классификации промиссивов), которые являются стимулом для ответной вербальной реакции: они как бы впервые «вводят» фактическую информацию и информацию об интенции говорящего, поэтому подобные речевые акты «оформляются» в виде классического промиссива, в котором, как правило, обязательно присутствует информативная интенция (вербальное «отражение» фактической ситуации) и часто остальные виды интенции.

Например:

«... I'll settle pretty soon. If my letters bore you, you can always toss them into the wastebasket. I promise not to write another till the middle of November...» (Jean Webster, «Daddy-Long-legs»).

«Я привыкну совсем скоро. Но если мои письма надоедают вам, вы всегда можете выбросить их в мусорное ведро. Я обещаю не писать вам следующего письма до середины ноября.» (Джин Вебстер, «Длинноногий дядюшка»).

Из приведенных выше примеров следует, что информативный компонент речевой интенции обещания переводится на русский язык практически дословно, так как интенция обещания является самой объективной и отражает фактическую ситуацию.

Подводя итог проведенного исследования, хотелось бы отметить, что исследуемый информативный компонент речевой интенции обещания в английском языке выражается с помощью промиссивов, которые могут минировать несколько речевых намерений. Глагол «to promise», признаваемый многими исследователями комиссивных речевых действий (а именно комиссивы признаются актами речи, выражающими принятие на себя какого-либо обязательства или совершение обещания) за ядро семантического поля средств номинации речевого намерения обещания, может выполнять как иллокутивную функцию обещания, так и функцию утверждения чего-либо с высокой долей ответственности за сообщаемую информацию. Для выявления частотности употребления определенных видов средств выражения, экспликации и усиления исследуемого речевого намерения были проанализированы 6 произведений английских и американских писателей. Проанализировав средства выражения речевой интенции обещания, приходим к следующим выводам:

1) Большинство говорящих предпочитают выражать интенцию обещания имплицитно, не прибегая к вербальным средствам ее экспликации (43%). Тем не менее, достаточно велика (33%) часть говорящих, использующих для выражения промиссивной интенции классическую модель речевого акта, содержащую такой промиссивный экспликатор, как перформативная формула.

2) Большинство говорящих отдает предпочтение таким видам экспликаторов промиссивного намерения, как модальный глагол «shall» (42%) и перформативная формула (33%).

3) Из общего числа классических речевых актов предпочтение отдается их сложному варианту (79%).

4) Большинство говорящих отдает предпочтение классической модели речевого акта как средству выражения информативного компонента интенции обещания (45%) перед дизъюнктивными (14%) моделями.

В заключении, хотелось бы подчеркнуть, что разработка концепции средств выражения информативного компонента интенции обещания открывает интересные перспективы для дальнейшего изучения лингвистических способов речеактивной номинации других интенциональных состояний, комплексный анализ которых может дать многое для понимания механизмов выражения и интерпретации речевых намерений в условиях вербальной интеракции.

Рукобратская А. А. Дискурсивное функционирование коннекторов AND и BUT

Оренбургский государственный университет, Оренбург

Изучению дискурса и особенностей его функционирования посвящено множество исследований, однако в последнее время особое внимание уделяется проблеме выделения и функционирования маркеров дискурса (далее ДМ). Данное явление вызывает огромный интерес и освещается в различных публикациях, хотя, можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день окончательного осмысления оно еще не получило. ДМ часто понимаются как любые языковые единицы, сигнализирующие определенный тип семантических отношений между смежными сегментами дискурса. Они также являются своеобразными инструкциями для правильной – согласно интенции адресанта – интерпретации дискурса, с точки зрения заложенной в него информации, которую нужно донести до слушателя. ДМ не являются однородным классом языковых единиц с синтаксической точки зрения, но с функциональной их необходимо рассматривать как возможные альтернативы парадигматического выбора.

Особый интерес для нас представляют ДМ *and* и *but*, которые являются предметом многих дискуссий. Анализ усложнен тем, что этим ДМ присущ ряд грамматических свойств, которые иногда определяют их функции в дискурсе. Так, *and* принадлежит к классу сочинительных союзов. Сочинительный союз *but* выражает отношения связности (*copulative coordination*) в сложносочиненных предложениях. Изучая *and*, Д. Шиффрин приходит к выводу, что данный дискурсивный маркер служит для связи, как пропозиций, так и речевых актов. Она также указывает на тот факт, что данный дискурсивный маркер может встречаться и в контрастивном окружении (*adversative coordination*) (подобно *but*), и в каузативном окружении (*causative-consecutive coordination*) (подобно *so*), что тоже способствует высокой частотности его употребления.

С другой стороны Г. Редекер (*Redeker*) отмечает, что высокой частотностью обладает не только *and* сам по себе, но в сочетании *and so*. Данное сочетание выполняет функцию прагматического коннектора и связывает определенную последовательность событий или сигнализирует о подведении итогов, заключении со стороны говорящего, выражает его отношение к действительности, к содержанию высказывания. Продолжая изучение прагматических коннекторов, Т. ван Дейк приходит к выводу, что в основе функции маркера *and* лежит концепт «дополнение» или «продолжение», что и позволяет ему служить связующим звеном речевых актов или репликовых шагов в коммуникации. Способность *and* в определенных ситуациях заменять *but* проявляется и на прагматическом уровне, когда *and* может интродуцировать противоречие или протест, например, чтобы не позволить слушающему сделать неправильный вывод на основе предыдущего речевого акта. В таких случаях *and*, как правило, встречается в начальной позиции.

В рамках дейксиса дискурса ДМ сообщают координаты дан-ного высказывания относительно предыдущего в потоке речи, следовательно, их можно отнести к языковым средствам – индексам по своей природе, «обслуживающим метакоммуникативную функцию в отношении звучащего или письменного текста». Как и другие дейктические элементы, ДМ можно разделить на две группы: проксимальную и дистантную, в зависимости от направленности на дейктический центр (т.е. локус координат говорящего, слушающего, времени и места). Здесь необходимо учесть, что для ДМ дейктический центр определяется не ситуационными параметрами, а дискурсивными. Другими словами, контекст, в который ДМ помещают координаты высказывания, включает как коммуникантов, так и текст. С одной стороны, ДМ показывают, что высказывание сосредоточено на говорящем (проксимальная группа), на слушающем (дистантная) или на обоих коммуникантах. С другой стороны, ДМ ориентируют высказывание в тексте, указывая на его связь с предыдущими высказываниями (проксимальная группа), с последующими (дистантная) или и с теми, и с другими. На этом основании Д. Шиффрин считает, что ДМ относит высказывание к координатам говорящего, так как *and* служит для связи речевых актов говорящего. Что касается координат текста, то *and* связывает высказывание как с предыдущими сегментами, так и с последующими, непосредственно связанными с предыдущими. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ДМ *and* может функционировать и как семантический маркер связи пропозиций, и как прагматический коннектор речевых актов.

Анализируя ДМ *but*, можно отметить те же трудности, при-сущие анализу ДМ *and*. ДМ *but*, как и *and*, относится к классу сочинительных союзов, и его грамматические свойства определяют его функционирование в дискурсе. Д. Шиффрин отмечает способность данного ДМ связывать пропозиции и речевые акты, противопоставляя их. Если *and* интродуцирует продолжение действий говорящего, то *but* возвращает говорящего к ранее сказанному. Продолжая анализ прагматических корректоров, Т. ван Дейк отмечает, что одной из прагматических функций ДМ *but* является указание на неприятие предыдущего речевого акта. Например, в ситуации употребления *but* после директива, где *but* вводит протест говорящего. Некоторые ученые выделяют такую прагматическую функцию ДМ *but*, как отрицание ожидаемого. Например, Р. Лакофф (Lakoff) приводит следующее высказывание: *John is tall, but he's no good at basketball*. Данное употребление *but* отличается от обычного употребления данного ДМ для семантической оппозиции. Еще одной прагматической функцией ДМ *but* является интродукция сегмента, выражающего удивление. В таком случае говорящий комментирует предыдущие высказывания: *But, you had your hair cut!* В качестве прагматического коннектора *but* может связывать речевые акты как нескольких коммуникантов, так одного говорящего. В последнем случае *but* указывает на удовлетворение или неудовлетворение иллокутивных условий или же на тот факт, что выполнение предыдущего речевого акта зависит от определенных обстоятельств: *Yes, I'll buy you a mink coat. But, I must first ask my boss for a promotion*. Опреде-

ляя процессуальную сторону дискурса, ДМ *but* может использоваться для взятия репликового шага, например, когда коммуникант пытается перебить другого коммуниканта. Здесь речь идет о мене коммуникативных ролей с перебиванием без указания на какой-либо контраст или противопоставление. Как дейктический элемент дискурса ДМ *but*, подобно *and*, соотносит высказывание с координатами говорящего и ориентирует высказывание на предыдущий сегмент, так как распознавание отношений контраста подразумевает смещение фокуса внимания на сказанное ранее. Таким образом, можно отметить, что ДМ *but* обладает высокой частотностью употребления и может функционировать как на семантическом, так и на прагматическом уровнях. В качестве семантического маркера *but* служит для связи пропозиций и сигнализирует отношения противопоставления. Как прагматический коннектор *but* связывает речевые акты отношениями контраста, а также может выполнять ряд других функций, не связанных с контрастивными отношениями.

Рассмотрев различные подходы к проблеме функционирования ДМ *and* и *but*, можно сделать вывод, что функции ДМ *and*, *but* реализуются на трех уровнях дискурса: семантическом, прагматическом и топикальном, их функциональный потенциал охватывает коннекцию, противопоставление, отношение контраста, эмоциональное усиление, а также метакоммуникативные функции, связанные с взятием репликового шага, соотносением сегмента с координатами коммуникантов и текста. Перспективным представляется дальнейший анализ как функциональных, так и стилевых особенностей ДМ, а также проблема возникновения прагматической двусмысленности.

Рябкова А.В. Заимствование как средство интернационализации системы немецких морфологических

Тюменский государственный университет, г.Тюмень

Изменения социального и экономического уровня мирового сообщества, установление миролюбивой международной политики, в связи с этим расширение партнерских взаимовыгодных и многосторонних контактов между странами создают благоприятную почву для проникновения заимствований в языковой фонд любой страны. При этом существенным моментом является всегда мотивация. Чтобы осмыслить мотивационные тенденции заимствований необходимо исходить из динамики языковых изменений, связей языка, мышления и общества.

В лексике постоянно накапливается информация об истории и культуре народа, который взаимодействует с другими народами, а в наше время возникают совершенно новые информации, связанные с прогрессом общества во всех уровнях его развития, с вновь возникшими реалиями существующего мира. Эти «информации содержатся в семантике слова, его смысловых наслоениях. Прошлое и настоящее слиты в слове воедино, более того, основным путем пополнения лексики является переосмысление слов, давно известных в языке» [Степанова 1979: 535]. Аккумуляция лексики становится более очевидной при наблюдении, при последовательном изучении переосмысления слова.

Таким образом, лексические заимствования являются важным индикатором культурно-цивилизованного влияния. Самым важным мотивом для заимствующих является осознание того, что другой язык может стать источником для приобретения ценностей, достижений или стиля жизни.

Предметом заимствований являются вербальные знаки для обозначения вещей, изображений, «культурные слова», «интернационализмы», лексемы «люкс», приобретенные по мотивам престижа [Stark 1995: 207].

Ассимилированная иноязычная лексика – это показатель культуры заимствующего языка. Значимость функционирования иностранных слов в лексической подсистеме включает в себя инокультурные, инолингвистические элементы. Элемент мотивации пополнения словаря иногда весьма ощутим именно в иностранном слове, поскольку дает возможность говорящему через это слово понять отношение к другим словам родного языка и через их осмысление чужого языка.

Большой энциклопедический словарь дает следующее определение заимствованию: «заимствование – это элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода из одного языка в другой» [БЭС 1998: 188]. Таким образом, заимствование – это процесс обращения к чужому лексическому фонду и одновременно сам факт перехода элементов из одного языка в другой.

Е.Э. Бержакова выделяет заимствованные слова, словосочетания, морфемы, словообразовательные аффиксы, синтаксические конструкции с учетом

синхронно-диахронического аспекта. «При синхронном условии заимствования могут быть предоставлены как характерный для каждой исторической эпохи набор лексем. При диахронии в ее динамике на первый план выступает идея постепенного освоения перенесенного из одной языковой системы слова во всех характеризующих его составляющих» [Бержакова 1972: 7]. Л.М. Баш разделяет заимствования на две группы: собственные заимствования и квазизаимствования. Первая группа предполагает варваризмы, то есть иноязычные слова, употребляемые без перевода с соблюдением графики и орфографии языка-источника; транслитеры, то есть заимствования, подразумевающие перевод слова из одной графической системы в другую; интернационализмы или слова-космополиты. Вторая группа предполагает различные «переоформления» слов: «словамиксты» и «гибридные слова» или «гибриды» [Баш 1989: 27].

В немецкий язык заимствования проникают двумя путями: через восприятие «готовых» лексем или через конструирование лексических моделей с немецкими словообразовательными элементами. Стоит подчеркнуть, что последний путь более продуктивен.

Образование новых лексем при помощи заимствованных элементов на основе словообразовательных моделей немецкого языка называется «гибридизацией». Такие конструкции или гибриды очень популярны в немецком языке, особенно в бытовых или терминологических лексических группах. Иноязычные элементы в системе немецкого словообразования имеют место быть в современном немецком языке и достаточно активно проявляются в устной речи, в языке телевидения, прессы, рекламы. Накопленный потенциал такого лексического явления не может остаться без внимания лингвистов, поэтому не случайно отмечает Т.В. Пономарева «интернационализацию системы немецкого словообразования, определенную динамику в этой системе ...» [Пономарева 2001: 152]. Эту мысль поддерживают в своих работах В. Флейшер, Е. Верозен и И. Барц, дефинируя это явление как «гибридизация, гибридные слова или гибриды».

Немецкий язык заимствует лексеммы из разных языков. Б.Н. Забавников отмечает, что «заимствованная единица в процессе освоения проходит три этапа: из употребления в речи слово переходит в речевую норму, а затем в систему языка». [Забавников 1991: 6]. Он классифицирует направления заимствования: семантическое направление, когда слово приобретает семантическую самостоятельность; динамическое направление подчеркивает активность словообразовательного процесса; стилистическая направленность подразумевает приобретение словом стилистического статуса. Под фонетической и орфографической направленностью понимают фонетическую и орфографическую адаптацию слова. Морфологическая направленность есть словообразовательная адаптация заимствований.

В процессе словообразовательной адаптации заимствованное слово начинается сочетаться с исконными словообразовательными элементами по характерным для языка-рецептора словообразовательным моделям. Наиболее продуктивным способом немецкого словообразования является словосложение, поэтому больше заимствований или так называемых «гибридов» образуется по

этой словообразовательной схеме. Иноязычный элемент чаще выступает в первой определяющей части композита.

Например, *Trendwörter, Toastbrot, Horrorfilm, Campingausrüstung*

Отнесенность подобных заимствований к категории рода не составляет трудностей: род определяется по второй составляющей слова по правилу немецкого словосложения. Но следует рассмотреть и другие возможности включения заимствованных слов в морфологическую систему грамматического рода в немецком языке.

Например, при сохранении грамматического рода существительного языка-источника: *auditorium* (ср.р. лат. язык) – *das Auditorium*; *ho logos* (муж. р. греч. язык) – *der Logos*

У другой группы заимствований род слова изменяется под воздействием морфологических факторов языка-рецептора:

Например, *le garage* (муж.р. фр.язык) – *die Garage*; *la corrida* (ж.р. испан. язык) – *die Korrida*; *перестройка* (ж.р. рус. язык) – *die Perestroika*

В последних примерах флексия –е аналогична немецким существительным женского рода и предопределила грамматический род заимствований как женский.

Род заимствованного слова определяется в немецком языке, если в языке-источнике отсутствует категория рода, как это имеет место в английском языке.

Например, *the smog* – *der Smog (der Nebel)*; *the box* – *die Box (die Schachtel)*; *the story* – *die Story (die Geschichte)*

Вопреки затруднениям при определении грамматического рода заимствований такие образования возникают достаточно часто.

Например, *die Teamquiz, der Bühnenbeststeller, der Kaufboom*

Особенно популярны в современном немецком языке англо-американские заимствования, имеющие односложную сходную с немецкими корневыми морфемами, структуру.

Например, *sport, spray, camp*

Они легко семантически, морфологически ассимилируются, внедряясь в немецкий лексикон, то есть «онемечиваются», некоторые из них активно входят в коммуникативный лексикон, заменяя многосложные немецкие слова:

Например, *Team* – *Arbeitsgruppe*; *fit* – *leistungsfähig*

Соединяясь с другими словами односложные заимствования устраняют вербальный объем композита:

Например, *Spitzenjob - Spitzennebenverdienst*

Композиты с иноязычным компонентом являются полносложными и неполносложными, последние образуются с одной непосредственной составляющей, таким образом, заимствования привнесло в немецкую словообразовательную систему новые соединительный способ при помощи «о»:

Например, *Russodeutsche, Agrostadt, Elektroenergie*

Появление нового соединительного элемента в немецком языке способствует интернационализации системы немецких морфологических структур. Гибриды популярны и актуальны, они встречаются в разных тематически обусловленных коммуникативных пространствах современного социума Германии.

Например, в политике – *Chancengleichheit*; в экономике – *Inverstmentgesellschaft*; в науке – *Computernetz*; в рекламе – *Werbslogan*; в культуре – *Jazzkeller*; в спорте – *Jogginanzug*; в быту – *Softeis*

Некоторые «гибриды» образуют ряды, имея в качестве первой или второй составляющей один и тот же элемент.

Например,

Первый компонент

Второй компонент

Computer-

-markt

Job-

-steuerung

В сложном слове непосредственным составляющим могут быть отрицания: *AntiBaby-Pille*; сочинительные словосочетания: *Cash-and-Carry-Klausel*; императивные предложения: *Do-it-yoself-Bewegung*.

В заключение следует отметить пополнения современного немецкого языка через заимствования, то есть образование новых сложных слов-«гибридов», что сигнализирует о тенденции к интернационализации и влиянии немецких морфологических моделей на этот процесс.

Литература:

1. Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: Хронологический и этимологический аспекты // Вестник Моск. ун-та. Сер.9. Филология. 1989 № 4.
2. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
3. Забавников Б.Н. Французские лексические заимствования и их освоение в современном немецком языке: Автореф. канд. дис. Калинин, 1991.
4. Пономарева Т.В. Проявление тенденции к интернационализации в немецком словосложении. Сб. Немецкая филология в СПбГУ., 2001.
5. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1979.
6. Stark F. Zauberwelt der deutschen Sprache. M. Verlag der Moskauer Universität, 1995.
7. Большой энциклопедический словарь \ гл. редактор В.Н. Ярцева – М.: Большая российская энциклопедия., 1998.

Рябуха Н.А. Этимология некоторых терминов в области земледелия и животноводства (на примере немецкого и русского языков)

Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмуллы; г.Уфа

В настоящей статье мы предпринимаем попытку применить метод лингвистической палеонтологии для освещения такого важного аспекта германской и индоевропейской культуры как сельское хозяйство. В качестве примера мы анализируем термины из области сельского хозяйства в двух его важнейших проявлениях – скотоводстве и земледелии.

Археологические, мифологические и лингвистические свидетельства говорят в пользу победы патриархальной общественной структуры над матримонильной. Люди курганной культуры ввели систему управления, которая базировалась в крепостях, расположенных на специально сооруженных холмах. Помимо прочего они принесли с собой новую религию, в пантеоне которой доминировали божества-мужчины – в противоположность дарующим жизнь женским божествам Древней Европы. Люди, говорящие на индоевропейском языке, принесли с собой также технологию производства твердых сплавов, которая впоследствии применялась при производстве кинжалов и секир. Позднее они ввели новую технику ведения боя. Первоначальная конфронтация исконной сельскохозяйственной системы Древней Европы с курганным животноводством переросла в их симбиоз. Внешние проявления произошедших изменений были незначительны и разрозненны, и одновременно сильнее на Востоке, чем на Западе.

Рассмотрим происхождение ряда немецких терминов из сферы скотоводства и земледелия:

1. SCHAFF – ОВЦА

Археологические данные свидетельствуют о том, что овца была домашним животным примерно с 8-го тысячелетия до н.э. Ледниковый период значительно ограничил ареал обитания этого животного, и уже с 3 тысячелетия овца являлась домашним животным. Данные палеозоологов подтверждаются этимологически через соответствие лат. *ovis* 'овца', гот. *awepi* 'стадо овец', дивн. *ouwi* 'овца', русск. *овца* < *и.-е. *owis* 'овца' [1; 49].

2. ZIEGE – КОЗА

В данном случае в разных языках есть частичные соответствия, например, гот. *gaitis* 'самка серны [козули, лани]; коза' и лат. *haedus*. Но в зависимости от местности эти типы варьируются и часто различие овцы и козы при раскопках по костям весьма затруднительно.

3. RINDVIEN - КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Наряду с обозначением овцы также существует индоевропейское наименование крупного рогатого скота: др.-инд. *gauh* ,корова', лат. *bos*, двн. *chuo* ,корова', слав. **govedo* ,крупный рогатый скот', ср. *говядина* <*g^wous* [1; 35]. В Европе послеледникового периода существовали, во-первых, тур, первобытный бык (*Bos primegenius*) и, во-вторых, зубр (*Bison bonasus L.*). Однако есть данные о диких животных, прирученных уже в каменном веке. Крупный рогатый скот поставлял молоко и, вероятно, использовался в ритуалах, например, как вьючное или жертвенное животное [4, 54].

Сходство между формами *Milch* ,молоко' и *melken* ,доить' связывает и значения этих слов: лат. *mulgeo*, двн. *melchan* и *miluh* ,молоко', др.-слав. *mlesti*. Предположительно слово *Butter* ,масло' также относится к следующему ряду: лат. *unguen(tum)* ,мазь', прусск. *ancte* ,масло' двн. *ancho* ,масло' (ср.-швейц. *ancte* ,масло'). Связь крупного рогатого скота с телегой, плугом и упряжью отражена в лат. *iugum*, гот. *juk*, лит. *jungas*, праслав. *уго*.

4. SCHWEIN – СВИНЬЯ

Слово «свинья» также возникло в каменном веке как обозначение домашнего животного и с тех пор распространилось по достаточно большой территории. В индоевропейском языке есть две сходные по значению словоформы: лат. *porcus*, двн. *farah* (ср.нем *Ferkel* ,поросенок'), праслав. **porse* ,поросенок, молодая свинья' и двн. *sū* ,свиноматка', лат. *sūs* ,свиноматка', русск. *свинья*[1, 61; 4, 55].

5. PFERD – ЛОШАДЬ

О лошадях известно, что они были впервые приручены одновременно в нескольких областях Евразии и упоминаются в качестве домашних животных уже в 3 тысячелетии до н.э. Из восточной Передней Азии коневодство распространилось примерно в 2000-ом году до н.э. на Запад и достигло Западной Европы. Даже если в этом случае речь идет о заимствовании, то все же наблюдаются индоевропейские соответствия в др.-инд. *aśvah*, лат. *equus*, др.-англ. *eoh* в значении «лошадь», которая была также животным мясного типа и еще не использовалась как вьючное или тягловое животное [1, 47; 4, 56].

6. ACKER – ПОЛЕ, ПАШНЯ

Сельское хозяйство первоначально играло в курганной культуре незначительную роль. Поворотным моментом стал переход от собирательства и охоты к продуктивному земледелию в каменном веке. Это объясняет тот факт, что первоначально слово *Acker* первоначально обозначало «проход», «поле», «равнина, местность». Др.-инд. *ājrah* ,площадь, проход', лат. *ager*, гот. *akrs* (ср.русск. *акр*) предположительно происходят от и.-е. корня *ag-* ,гнать; пасти' и

означают место, куда гонят скот. В этом же смысле можно рассматривать однокоренное латинское прилагательное *agrstis* ,дикий' [4, 56].

7. PFLUG – ПЛУГ

Исследование доисторического периода смогло с достаточной достоверностью проследить историю плуга, прежде всего по наскальным рисункам, но также и по архелогическим находкам. Слово, произошедшее от глагольного корня *ar-* ,пахать, вспахивать' , могло обозначать как плуг из Валле (округ Аурих, Нижняя Саксония, бронзовый век), так и плуг на наскальном рисунке из Литслеби (Бохуслен, Швеция, бронзовый век). В этом случае речь идет о так называемом «царапающем, прорезающем плуге», который только разрезал почву и не переворачивал ее. Чтобы по-настоящему разрыхлить почву, нужно было перепахивать поле вдоль и поперек. Собственно *Pflug* (<mhd. *phluoc*< ahd. *pfluoh*) > русск. *плуг*, называемый специалистами «оборотный плуг», появился и стал повсеместно использоваться намного позже. Лишь в ледниковый период появилась соха [4, 56].

8. SAAT – ПОСЕВ; СЕМЯ, СЕМЕНА

После пахоты приходит время посева и в этом случае также существует индоевропейское соответствие в корне **se-* между древнеиндийским, латинским, германскими, балтийскими и славянскими языками. Такие производные слова как нем. *Samen* ,семя', лат. *semen*, д.-в.-н. *sâmô* и праслав. **sěmę, -ene* (родственно др.-прусс. *semen* ср. р. ,семя') позволяют сделать вывод о доминирующей деятельности крестьян, а не собирателей (диких семян).

Под семенами в первую очередь подразумеваются семена зерновых культур. Древнейшие и важнейшие из них - это пшеница (*Weizen*) и ячмень (*Gerste*). В Северной и Средней Европе важнейшим культурным растением был *Emmer* ,двужернянка (полба, эммер)' (*Triticum dicocum Schübl.*). Однокоренными словами, безусловно, являются др.-инд. *yavah* ,злак; зерно; ячмень', лит. , *yavas* ,вид зерновой культуры', др.-русс. *jevin* ,овин; рига'.

Наименование *Gerste* ,ячмень', возможно, содержится в лат. *hordeum*, днв. *gersta*, албанск. *drith*. Обращает на себя также утверждение палеоботаников о том, что *Roggen* ,рожь' и *Hafer* ,овес' являются вторичными культурными растениями. Действительно, в этом случае нами не было найдено соответствий на германском и индоевропейском уровнях, в отличие от глаголов со значением «молоть [муку]»: нем. *mahlen* ,молоть', др.-инд. *mrnati*, лат. *molere*, гот., днв. *malan*, праслав. **melti* [4, 56].

9. LEIN – ЛЕН

Слово *Lein* ,лен' использовалось в числе масленичных растений в Европе, начиная с периода ленточной керамики (ранний неолит). Однозначными соответствиями являются лат., гот., а праслав. не исключает гипотезу заимствованного слова. Дело в том, что лексема *Lein* ,лен' имело два значения: продукт пи-

тания (в виде масла) и сырье для изготовления одежды. Правда, редкие археологические находки позволяют сделать вывод, что при изготовлении предметов одежды намного чаще использовали шерсть, а не лен. В скандинавских странах во время ритуальных обрядах плодородия лен по своим функциям во многом был схож с луком.

В словарном запасе индоевропейцев присутствовала вообще лишь самая общая сельскохозяйственная терминология. До сих пор при раскопках в степях между Днепром и Волгой из числа культурных растений находят лишь просо, но в селениях находили каменные мотыги, серпы из кремня и мельничные жернова, очевидно также, что большие по размеру серповидные инструменты использовались для вспахивания почвы. Очевидно, что индоевропейцы занимались примитивным сельским хозяйством, возделывая дикие зерновые. Так, и.-е. слово **puros* с вероятным первоначальным значением «дикая трава» используется теперь в значении «хлеб». В отдельных языках **puros* означает «плевел», «озимые», «мякина», «спельта». **Yewos*, вероятно, обозначало все виды зерна, применяемых при изготовлении хмельных напитков. В некоторых языках это слово обозначает «зерно» в самом широком смысле, в других оно относится к пшенице, ячменю или просу. В последнем случае, очевидно, речь идет о более поздних специальных обозначениях. С другой стороны, из славянских, балтийских, германских и кельтских языков известно слово **rughis* ‚рожь‘, н. *Roggen* [2, 11]. Но слав. *овес* происходит от корня **aw-* ‚овёс‘. Названия некоторых культурных растений (*горох, боб, мак, вика*) известны также в и.-е. языках Южной Европы – латинском, албанском, греческом. Вполне возможно, что эти названия перешли к индоевропейцам от аборигенов. Слова *лён, пенька* также использовались славянами и германцами, в отличие от восточных индоевропейцев. Только незначительная и наиболее общая по смыслу часть лексики в области с/х в русском и немецком языках и.-е. происхождения. Ср.: *зерно* <*gr,*ger- ‚распасться; стать ломким, старым, готовым падать‘; *нива, neu* ‚новый‘ <*neiva ‚нива; новое, распаханное поле‘; *сноп* ‚связанная охапка сжатых стеблей хлебных злаков‘; двн. *snauba* ‚лента, повязка‘; *Furche* ‚борозда‘ <*per[e]k ‚рыть, разрывать‘; *Garten* ‚сад‘ <*ghorto-s/*ghordo-s ‚забор, преграда; ограждение‘ [2, 13].

Более поздний пласт с/х лексики в нем. и рус. языках уже исконно германского/славянского происхождения: *Malz, Grütze, dreschen, Darre, Brache, Schober, Ernte, Tenne* – *солод, крупа, цен, борозда, зябь, овин, пар, сад, стернь, стог, страда, ток*.

Что касается слов, относящихся к сфере мореплавания и рыболовства, то само слово *море* (нем. *Meer*) <и.-е.**mori*, известно из итальянского, кельтского, германского, балтийского и славянского языков (лат. *mare*, нем. *Meer*, кимр. *mor*, слав. *more*, лит. *mares*) [2,14]. Большинство терминов из области мореходства близкородственные, ср.:

1. *вода*, н. *Wasser* ‚вода‘ <и.-е. **ued-* ‚мокнуть‘;
2. *челн* <праслав. **čьlnъ*, двн. *scalm* ‚корабль‘;
3. *паром*, двн. *farm* ‚паром‘ (ср. двн. *faran* ‚ехать‘ (см. *переть, пры*))

4. *ветер*, *wehen* ,веять, дуть' <*[a]ue ,веять, дуть' (ср. рус. *вёдро* ,хорошая сухая погода'; др.-прусск. *wetro* ,ветер');

5. *волна*, *вал*, *валить*, н. *Welle* ,волна' <*uel- ,катить, крутить, валить;

6. *лодка* <праслав. *олдъ ,чёлн, судно', но н. *Boot* ,лодка' <ст.-англ. *bat* ,лодка, корабль').

Литература:

1. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 115 с.

2. Gimbutas M. Die Ethnogenese der europäischen Indogermanen, Innsbruck, 1992, с.10-14;

3. Duden. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache, Mannheim/Wien/Zürich, 1989;

4. Skardigli, Piergiuseppe. Der Weg zur deutschen Sprache. Bern, Berlin, 1994. - S.53-56.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 3-х т. Гейдельберг, 1953-1958;

Талалай Т. С. Современные проблемы лингвистики и методики преподавания языков

Оренбургский государственный университет, г.Оренбург.

Общие проблемы словообразования

Под словообразованием понимается сфера языка, где новые слова возникают морфематически – путем аффиксации, словосложения или же изменения морфолого-синтаксических свойств слова.

Таким образом, словообразование как раздел языкознания, занимается словами всегда так или иначе мотивированными.

Главными способами словообразования в немецком языке считаются аффиксальное словопроизводство (аффиксация), словосложение и так называемое имплицитное словопроизводство, под понятие которого подводятся достаточно разнообразные типы словообразования, не сводимые к аффиксации или же словосложению, но всегда связанные с отнесением производящей и производной основ к разным частям речи.

Аффиксальное словопроизводство

Аффиксация используется при производстве новых слов от исходных (производящих) единиц различной структуры: от простых слов (например: Dichter, Unglück), от производных слов (например: Persönlichkeit), от сложных слов (например: Eisenbahner), от словосочетаний (например: dreistockig).

Немецкие суффиксы достаточно чётко соотносятся с частями речи, а в пределах класса существительных нередко ещё и с грамматическим родом, а также типом склонения.

Именная суффиксация

Суффиксальные существительные довольно чётко распределяются по словообразовательным рядам, основными из которых являются: имена лиц, абстрактные и собирательные имена, а также уменьшительные имена существительные.

Словообразовательному ряду имен лиц принадлежат обозначения людей по их отношению к некоторой деятельности, состоянию, свойству.

В словообразовательный ряд абстрактных имён входят отглагольные, деадъективные и реже – отыменные образования. Суффиксы имён данной группы весьма многочисленны:

-ung (Bewegung)

-nis (Ereignis)

-er (Walzer)

-erei (Plauderei)

Деадъективные и отыменные абстрактные имена называют в первую очередь свойства или состояния. Суффиксы абстрактных существительных используются также для производства собирательных имён, чаще всего для обозначения человеческих коллективов. (Bevölkerung) Уменьшительные существительные образуются при помощи суффиксов -chen, -lein.

Суффиксальные прилагательные

Наиболее общее категориальное значение признака-свойства представлено у прилагательных с суффиксами *-bar*, *-haft*, *-ig*, образованных от именных основ и обозначающих наличие у некоторого предмета того, что называется производящей основой. (*fruchtbar*, *windig*) В особый словообразовательный ряд выделяются производные прилагательные, называющие различные отношения действительности: пространственные и временные отношения (*hiesig*, *dortig*), происхождение предмета (*russisch*).

Суффиксальные глаголы

Глагольная суффиксация развита незначительно. В плане синхронии можно выделить лишь один продуктивный глагольный аффикс *-ier* (*buchstabieren*). Выделение суффиксов *-l*, *-r*, *-ig* с точки зрения синхронии более или менее проблематично, поскольку представлены они у небольшого числа глаголов, достаточно трудно выделимы и передают весьма расплывчатые значения.

Суффиксальные наречия

В качестве суффиксов наречий выделяются достаточно редкие специфические единицы *-lings*, *-s*, *-ens*, *-warts* (*links*, *sudwärts*).

Что касается истолкования как наречных суффиксов показателей *-lich*, *-sam* (*deutlich*, *wundersam*), то их скорее можно считать адъективными суффиксами, служащими также для производства омонимичных с прилагательными наречий.

Префиксальные существительные и прилагательные

Состав префиксов существительных и прилагательных в немецком языке весьма близок. Общими для обеих частей речи являются префиксы *erz-*, *miss-*, *un-*, *ur-*. Префиксы *ge-*, *anti-*, *neo-* отмечаются только у существительных. В основном префиксы передают значение усиления и связанное с ним значение первичности происхождения, а также значение негативной оценки некоторого явления или отрицания.

Префиксальные глаголы

Число глагольных префиксов весьма невелико. Продуктивных среди них всего шесть (*be-*, *ent-*, *er-*, *miss-*, *ver-*, *zer-*), тогда как *emp-*, *ge-* непродуктивны. Как утверждает М.Д. Степанова, префиксальные глаголы обычно обозначают тот или иной признак, оттенок действия (*treten*-*betreten*). Однако порой отмечаются значительные расхождения в семантике производящей и производной основ (*kommen* – *bekommen*).

Тенденции развития немецкой аффиксации

Немецкая аффиксация находится в постоянном развитии. Многие аффиксы утратили свою словообразовательную функцию, превратившись в элемент основы. Для глагольной аффиксации следует отметить рост продуктивности производных с заимствованными суффиксами *-ier*, *-isier*, а также с префиксами *be-*, *ent-*, *ver-*, позволяющих добиться более точного обозначения некоторых событий и являющихся средством передачи достаточно тонких оттенков значений.

Для прилагательного типичен рост продуктивности отыменных образований с различными суффиксами типа *schulisch*, *komisch*.

Словосложение

Словосложение обычно рассматривается как словообразовательный способ передачи значений, выражаемых в других случаях некоторой синтаксической конструкцией. Сравнение немецкого “Auskunftsburо” и русского «справочное бюро» показывает, что языки в данном случае используют различную технику передачи одной и той же семантики.

Порядок элементов сложного слова чрезвычайно важен, их перестановка даёт разные лексические единицы. (Zuchttier – племенное животное, Tierzucht – животноводство)

Сложные слова принято отличать от так называемых сращений или сложнопроизводных слов, образованных при одновременном использовании сложения и словопроизводства, обычно аффиксации.

Собственно сложные слова принято классифицировать по двум признакам: по семантическим отношениям между элементами и по структуре. По семантическим отношениям различают определительные сложные слова, сочинительные сложные слова и сложно-синтаксические слова. В отношении структуры принято различать полносложные слова, неполносложные слова и словасдвиги. Чаще других встречаются двухэлементные сложные слова.

Сложные существительные

Различают достаточно многообразные семантические типы сложных существительных:

- слова с посессивным или партативным отношением (владения или принадлежности) типа Vatershaus, Schulhof;
- слова с абстрактным субъектным отношением типа Arbeiterbewegung;
- слова с отношением происхождения или места возникновения типа Bodenschatze ;
- слова с отношением предмета действия или состояния типа Buchdruck;
- слова с отношением причины типа Liebeskummer;
- слова с отношением средства или цели типа Schneeballschlacht;
- слова слокативным отношением типа Hausaufgabe;
- слова с временным отношением типа Winterlied;
- слова с отношением материала изготовления типа Bleistift;
- слова с отношением сравнения, усиления или разъяснения типа Maultier.

Сложные прилагательные.

Первым элементом сложных прилагательных выступает основа существительного, прилагательного или глагола. Особо продуктивны и семантически многообразны сложные прилагательные с первым элементом – существительным.

Существительные в качестве первого элемента сложного прилагательного обозначают:

- сферу применимости называемого прилагательным признака (lesenswert);
- его причину или назначение (lebensmude);
- сравнение с оттенком усиления значения (faustgross).

Прилагательные в качестве первого элемента обычно выступают как своего рода уточнитель значения второго элемента (altklug).

Глагольная основа чаще всего указывает на сферу или назначение обозначенного прилагательным признака (lernfähig).

Проблемы глагольного словосложения

В отечественном языкознании наибольшее признание получила концепция М.Д.Степановой, согласно которой в рамках глагольного словообразования различаются префиксальные глаголы, глаголы с так называемыми полупрефиксами и сложные глаголы типа teilnehmen.

Систематизация глагольных словокомплексов (ГСК) была предложена Л.И.Шатохиной. Наиболее мощным классом в этой системе являются ГСК с наречным инфинитным элементом (dasitzen, herabsetzen). Общую группу ГСК составляют сочетания с предложно – наречным инфинитным элементом (abfahren). Данный тип ГСК получил у М.Д.Степановой обозначение «глаголы с полупрефиксами». ГСК, включающим формы инфинитива или причастия 2 (liegen lassen), присуще явно выраженное фазовое, иногда видовое значение, что позволяет рассматривать их как одно из средств немецкого языка для выражения так называемых способов действия и тем самым относить их к устойчивым сочетаниям с грамматической направленностью.

Сложносокращенные слова

Вполне естественным следствием широкого распространения протяжённых сложных слов и терминологических словосочетаний является использование сложносокращённых слов и аббревиатур. Принято различать ряд типов сложносокращённых слов.

Первый тип – усечения, суть которых состоит в отбрасывании первого или последнего элемента сложного слова (Kraft)Wagen).

Второй тип – контрактуры, представляющие собой не менее, чем трёх-элементные сложные слова с выбрасыванием средней части (Raum(flug)korper).

Третий тип представляет собой сведение сложного слова к главному элементу (Kanne вместо Kaffekanne).

Четвёртый тип – Initialwörter.

Первый подтип – слоговые сокращения (Persil = Perborat+ Silikat)

Второй подтип – звуковые сокращения, когда начальные фонемы слов складываются в единое звучание типа (UNO, UNESCO).

Третий подтип – буквенные сокращения (ABC, BRD).

Турлова Е. В. Функционирование артикля как дискурсивного маркера (на материале названий учебных пособий издательств Longman, Macmillan, Oxford University Press)

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Дискурсивные маркеры в английском и других языках в последнее время находятся в центре внимания многих исследователей. Данные слова позволяют продуктивно применять коммуникативный, прагматический и другие современные подходы к изучению языковых явлений. Артикли рассматриваются как одни из показателей имен существительных, которые описываются на основе взаимодействия их семантики с семантикой существительных, относящихся к традиционно выделяемым подклассам. Однако особую актуальность приобретает изучение артиклей и их роли в организации структуры дискурса. Актуальность исследования артиклей как дискурсивных маркеров состоит в том, чтобы более подробно описать функционирование данного класса служебных слов, принимающих самое активное и непосредственное участие в построении дискурса, в терминах лингвистики текста.

Под заглавием же понимается выраженный средствами естественного языка и выделенный графически потенциально свернутый знак текста, который, обладая относительной автосемантической, является абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, именующим и характеризующим текст. Такой заголовок способен прогнозировать содержание, интегрировать текст и сообщать последнему дополнительные функции [Бойко 1989]. Важно отметить, что большинство фундаментальных исследований в области семиотики, лингвистики текста, психолингвистики, интерпретации художественного текста, когнитивной лингвистики (см. работы Ю.М. Лотмана, И.Р. Гальперина, И.В. Арнольд, В.А. Кухаренко, З.Я. Тураевой, А.А. Залевской, В.А. Лукина, Е.С. Кубряковой и т.д.) в той или иной степени затрагивает проблемы заголовка, характеризуя его как неотъемлемое звено в общем решении проблем понимания текста.

На современном этапе заглавие изучают в самых различных ипостасях и видят в нем вторичный знак текста в свете теории оппозиции (Ю.М. Лотман, З.Я. Тураева, В.А. Лукин, Л.Б. Бойко) или сильную позицию текста в рамках теории выдвижения (И.В. Арнольд). Исследователи дают описания эволюции заголовка (В.А. Кухаренко), классифицируют заголовки по функциям (В.А. Кухаренко, Л.Б. Бойко, С.А. Сандажиева), отдельно рассматривают проблему нулевого заглавия (В.А. Лукин, Н.А. Фатеева). Изучение работ по тексту и заголовку всех вышеназванных направлений показало, что заголовки учебных пособий английских и американских, насколько известно, еще не были исследованы в терминах парадигматических характеристик. Принимая во внимание это обстоятельство, представляется целесообразным восполнить этот пробел анализом разнообразных по своей структуре и семантике заглавий учебных изданий, которые пользуются особым спросом у потребителей специальной учебной литературы.

Объектом нашего наблюдения послужили названия англоязычных учебных изданий, рекламируемых в каталогах учебной литературы. В процессе работы особенно интересным стал вопрос о функционировании артикля в рамках данной дискурсивной парадигмы.

В соответствии с принятой в отечественной лингвистической терминологии трактовкой, к дискурсивным маркерам относятся служебные, неполнозначные, структурные и вводные слова, главной задачей которых является выражение модальности говорящего. [Пайар, с. 9] Артикль является одним из средств выражения модальности говорящего. Термин «дискурсивный маркер» трактуется следующим образом: «всякий дискурс, будь то текст, монолог или диалог, состоит из более мелких коммуникативных единиц, которые организуют структуру дискурса». [Макаров, с.119] Цельность и связность дискурса – важнейшая из его отличительных черт, поэтому дискурсивные маркеры обеспечивают грамматическую и смысловую цельность дискурса, организуя тем самым смысловую связность его единиц.

Артикль – это структурное слово, характеризующее существительное. Он квалифицируется как самостоятельное слово, хотя и функционирующее в качестве маркера существительного. [Рейман, с.15] У артикля констатируется наличие морфологического, синтаксического и семантического признаков. Морфологический признак артикля – его роль формального показателя существительного как части речи. Синтаксическим признаком артикля является функция маркера левой границы группы существительного. [Рейман, с.16] Семантический признак заключается в сообщении дополнительной информации о том, является ли предмет, обозначенный существительным, известный говорящему или адресату речи (идентифицированным), или остается неизвестным (не идентифицированным). Бармина Л.А. и Верховская И.П. выделяют еще и коммуникативную функцию артиклей, которая, по их мнению, заключается в выражении неопределенным артиклем новой информации, которая является центром сообщения (ремой), а определенный артикль указывает на уже данную информацию и не является фокусом высказывания (тема). [Бармина, Верховская, с.8] Е. Рейман считает, что коммуникативная функция артикля способствует претворению замысла автора сообщения в текст.

Особенно интересным является функционирование артикля как средства организации учебного дискурса и установления связей между различными его частями.

«Определенному артиклю присуще значение индивидуализации, он характеризует предмет, как уже известный, конкретный, выделяемый из всего класса однородных с ним предметов». [Смирницкий, с. 213]

Для данных условий характерно употребление определенного артикля с названиями учебных литературы, которая являются методическим пособием по домашнему чтению:

The Adventures of Huckleberry Finn (Macmillan Readers Catalogue 2005. - Macmillan. - 43 p - Macmillan Readers Catalogue 2005.)

The Long Tunnel (Macmillan Readers Catalogue 2005. - Macmillan. - 43 p - Macmillan Readers Catalogue 2005.)

The Magic Barber (Macmillan Readers Catalogue 2005. - Macmillan. - 43 p - Macmillan Readers Catalogue 2005.)

Д.А. Штелинг утверждает, что определенный артикль является выразителем денотативной сферы, а неопределенный и нулевой – сигнификативной. Определенный артикль репрезентирует предмет не как выделяемый по определенным признакам в мысли, а как предмет самой объективной действительности, частью которой является сам человек, предмет, знакомый человеку из жизненного опыта, из действительности, с которой человек, так или иначе, сопричастен.

Эти значения определенного артикля Н.В. Варгина объединяет под общим признаком идентификации. Она говорит, что значение идентификации является основным для этого артикля. Оно употребляется при повторной номинации предмета, при наличии в контексте ограничительного определения, выделяющего предмет среди ему подобных, при обозначении единственных в своем роде предметов, оно может быть обусловлено самой ситуацией общения. Идентификация наблюдается при обобщающем значении определенного артикля. [Бурлакова, с.114]

«Неопределенный артикль характеризует предмет, с названием которого он связан, как одного из представителей, любого из представителей того или иного класса предметов». [Смирницкий, с.209]

А.И. Смирницкий противопоставляет неопределенный артикль определенному, т.к. какого-либо момента индивидуализации с ним не связано. Неопределенный артикль – артикль классифицирующий:

A Christmas Carol (Macmillan Readers Catalogue 2005. - Macmillan. - 43 p - Macmillan Readers Catalogue 2005.)

A Kiss Before Dying (Macmillan Readers Catalogue 2005. - Macmillan. - 43 p - Macmillan Readers Catalogue 2005.)

Смирницкий А.И. утверждает, что неопределенный артикль характеризует предмет как представителя какого-то класса:

Is it a Frog? (Macmillan Readers Catalogue 2005. - Macmillan. - 43 p - Macmillan Readers Catalogue 2005.)

Имеется в виду лягушка, как представитель класса земноводных. Однако подобные случаи отличаются от случаев обозначения класса предметов существительных с определенным артиклем. Эти различия заключаются в том, что при определенном артикле любой класс предметов рассматривается в целом и вместе с тем противопоставляется прочим классам. При неопределенном артикле момент противопоставления данного класса другим отсутствует. Комбинация существительного с неопределенным артиклем создает обобщенные наименования единиц, классифицируемых на основе признаков количества (*a frog*), однократности (*a kiss*), обобщенной оценки (*a routine*), общей характеристики отдельных параметров вещи (*a sound, a smile, a feeling, a child*) и др.

Принципиально важным свойством дискурсивных маркеров является обеспечение формально – грамматической и смысловой связности частей дис-

курса. Данные единицы обеспечивают связность дискурса за счет демонстрации свойств когезии и когеренции.

Когезия обеспечивает формальную связь дискурса, определяется различными типами отношений между составляющими дискурса. Когеренция обеспечивает смысловую организацию текста, как единого целого. Демонстрация артиклями свойства когезии возможна посредством явления референции, в образовании которой артикль играет значительную роль. При первом упоминании предмета в речи возможно использование при существительном неопределенного артикля, как показателя неопределенной референции. Демонстрация артиклями свойства когеренции выражается в тема – речевых отношениях. Информация, передаваемая комбинацией существительного с неопределенным артиклем, является новой информацией, фокусом сообщения, в случае употребления определенного артикля с именем существительным, отправным пунктом сообщения является уже данное, известное (тема/топик).

Список используемой литературы

1. Ахметова С.Р. Артикли как выражение понятийной категории дейксиса в современном английском языке. Алма – Ата. 1982.
2. Бармина Л.А., Верховская И.П. Практикум по английскому языку: Артикли. М., 2000.
3. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1983. с.74-75
4. Ван Дейк, Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
5. Волкова Е.И. Английский артикль в речевых ситуациях. М., 1984.
6. Гордон Е.М., Крылова И.П. грамматика современного английского языка. М., 1974.
7. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно – семантического описания./ Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара., М. 1998
8. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981
9. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. Л., 1953.
10. Илюхина Е. А. Артикли как дискурсивные маркеры в английском языке. Ульяновск, 2004.
11. Кобрин Н.А., Корнеева, Е.А. Грамматика английского языка. Спб., 2001.
12. Макаров. М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
13. Рейман Е.А. Английский артикль: Коммуникативная функция. Л., 1988.
14. Прагматика и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Сборник научных трудов. Днепропетровск, 1987.
14. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
16. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления./ Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.С. Секериной. М., 2002.
17. Теоретическая грамматика английского языка./Под ред. В. В. Бурлаковой. М., 1983, с112-117.
18. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста. М., 2003.
19. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М., 1996.

20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь./ Под ред. Ярцевой В.Н., М. 1998.

Цепунова О. А.К вопросу о выделении и составе семантического поля со значением «умственной деятельности» (на материале английского языка)

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Изучение содержательной стороны языка является одним из главных направлений современной лингвистики, как отечественной, так и зарубежной. Наиболее продуктивным путем исследования семантики языковых единиц признаётся комплексное, взаимосвязанное изучение всей содержательной структуры языка и его отдельных звеньев. Исследование языковых единиц может дать плодотворный результат лишь при рассмотрении их в рамках определенной микросистемы, входящей в общую систему языка, т. к. «лишь подойдя к лексике как системе и изучив её как систему, можно должным образом выделить в ней существенное и характерное и описать её состав, следуя внутренним связям между его элементами» [Смирницкий 1956: 7]. Системному изучению лексики способствовала теория семантических полей, получившая широкое признание и развитие еще в 70-х годах XX столетия. Существуют различные толкования семантической системы языка и разные подходы к ее исследованию. Некоторые ученые (Й.Трир, Ф.Дорнзайф, Л.Вайсгербер и др.) исходят из понятия при изучении семантической системы, другие (А.Йоллес, О.Духачек, А.А.Уфимцева и др.) – из слова. Российские ученые (А.А. Уфимцева, Г.С.Щур, и др.) признают лингвистический подход к изучению и систематизации лексики конкретного языка. Семантическое поле в их понимании представляет собой совокупность языковых единиц, обладающих инвариантными свойствами, что отражает объективно существующие группировки элементов языка. Изучение языковых единиц с позиции теории семантического поля дает возможность глубже проникнуть во внутреннюю структуру языка, т.к. представляет язык как систему, рассматривает языковые единицы во взаимосвязи и взаимозависимости.

Существует несколько способов выделения семантического поля: структурный, психолингвистический, семантико-логический и другие. Используются и различные методы изучения семантических полей с целью установления системного характера членов поля. Чаще всего применяются: методы компонентного и контекстуального анализа, дистрибутивный, статический. В зависимости от анализируемого материала, целей и задач, поставленных перед собой исследователем, используется один из них или сочетание различных по характеру методов и способов (А.И.Кузнецова, А.Я.Шайкевич, А.А.Уфимцева и другие).

Понятие «поле» широко используется в современной лингвистике для описания единиц языка в плане выявления их системных отношений. Изучение особенностей различных языковых средств обозначения одного и того же объекта реальной действительности расширяет его познание, которое практически безгранично. Выделение и исследование отдельных частных лексико-семантических групп активно и плодотворно осуществлялось многими лингвистами в последние десятилетия.

Данная статья посвящена полю, связанному со значением «умственной деятельности», рассмотрению его семантической структуры и образности. При построении исследуемого семантического поля мы руководствовались лингвистическими характеристиками слов, как единиц словарного состава языка. Еще Фердинанд де Соссюр отмечал: «... чтобы вернуть лингвистике единство, семантические поля должны быть получены не на понятийной, а на лингвистической основе, не со стороны логики, а со стороны лингвистики» [Реформатский 1967: 147]. Любое семантическое поле содержит три основных признака:

1. Наличие набора языковых средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями (парадигматическими и синтагматическими).
2. Наличие общего значения, которое присуще в той или иной мере всем конститuentам поля.
3. Каждое поле имеет определенное устройство, организацию, упорядоченность, которое представляет его структуру.

Выделение семантического поля и его анализ – два основных этапа изучения поля. Первый этап осуществляется нами семантико-логическим способом, второй – методом компонентного анализа на основе дефиниций. Поскольку исследование является семасиологическим, компонентный анализ затрагивает не только денотативный аспект, но и сигнификативный, т. е. весь семантический объем единиц поля. К тому же большинство слов (особенно полисемичных) имеют и коннотативный аспект значения, основанный на образном восприятии языковой реалии.

Чтобы выяснить, каким образом применение метода компонентного анализа дает возможность выявить различные типы сем, иерархия которых детально разработана в трудах Гака В. Г., а также Уфимцевой А. А., Арнольд И. В. и других современных исследователей, обратимся к конкретному языковому материалу.

В английском языке к словным единицам исследуемого поля можно отнести лексемы: существительные: *mind, intellect, wisdom, wits, intellegence; sage, brain; thinker; stupidity, folly, blockhead, dunce, dullness, goose, rubbish, reason, aptitude, wise-crack, obtuseness, brainwork, intention, design, nonsense, silliness*; прилагательные: *mental, intelligent, intellectual, clever, bright, wise, sensible, smart, reasonable, rational, thinkable, understandable, witty, intentional, deliberate; dull, distracted, foolish, evil, nonsencical, silly, unwise, stupid, apathetic, obtuse, blunt, dim-witted, stolid*; наречия: *wisely, wittily, intentionally, unintentionally, silly, dully, deliberately, designedly, stupidly, reasonably, knowledgeably, understandably*; глаголы: *think, consider, reflect, ponder, intend, seem, fool, understand, mean see, twig, wisecrack*.

Используя дефиниции толковых словарей английского языка, проведем семный анализ перечисленных выше слов. Приведем некоторые примеры: 1. **mind** (n.) – 1) ability *to think*, feel and imagine things; 2) character (the way someone *thinks* and the type of *thoughts* people have); 2. **brain** (n.) – 1) organ inside the head that controls how you *think*, feel, move; 2) intelli-

gence – the ability *to think* clearly and learn quickly; 3) person – someone who is *intelligent*, with good *ideas* and useful skills; 3. **to think** (v.) – 1) use one’s *mind*; 2) have an idea; 3) remember; 4. **intelligent** (adj.) – having high level of *mental* ability; 5. **idea** (n.) – 1) plan, suggestion; 2) *knowledge* (general understanding of smth. based on some knowledge about it); 3) aim, intention purpose of doing smth; 4) an image in smb’s *mind*...; 6. **wise** (adj.) – *clever*; 7. **stupid** (adj.) – 1) showing a *lack* of good sense; silly; 2) having a low level of *intelligence*; 8. **clever** (adj.) – 1) able to learn and *understand* things quickly; 2) able to use one’s *intelligence*; 9. **intellect** (n.) – ability to *understand* (use one’s *mind*) 10. **understand** (v.) – 1) to know the *meaning*; 2) believe, *think* (use one’s *mind*); 11. **knowledge** (n.) – 1) information, *understanding* (using one’s *mind*); 12. **knowledgeable** (adj.) – knowing a lot (using one’s *mind*); 13. **realize** – *understand* (use one’s *mind*) (51 значение в LDCE); 14. silly (adj.) – 1) not *sensible*; 2) *stupid* (not using one’s *mind*); 15. **intelligence** (n.) – 1) the ability to learn, understand, *think* about smth. (use one’s *mind*); 16. **sensible** (adj.) – 1) reasonable (using one’s *mind*); 17. **reasonable** (adj.) – 1) fair and *sensible*; 2) fairly good; 3) *understandable* (using one’s *mind*); 18. **dunce** (n.) – 1) someone who is slow at *learning* things; 2) gain *knowledge*, *remember* (have a picture or some idea in one’s *mind*); 19. **goose** (n.) *informal* – a *silly* (not using one’s *mind*) person = *silly* little thing; 20. **ponder** (v.) *formal* – spend time *thinking* carefully and seriously about a problem; 21. **wit** (**wits**) (n.) – 1) *intelligence*, the ability to *think* (use one’s *mind*) quickly and make right decisions; 2) *wise* man, someone who is able to say *clever* and funny things; 22. **mad** (adj.) – out of one’s *mind*, insane (wildly *foolish*); 23. **smart** (adj.) – *clever*, *intelligent* ...

Уже из этой группы слов видно, что в каждом из них обнаруживается общая сема – “*mind*” (ability to *think*, feel and *imagine* things) = *ум*, способность думать, чувствовать и представлять в *уме* вещи.

“Mind” – денотативный компонент значения, обозначающий понятие, одинаковое для всех слов группы в самом общем плане; значение его прямое, широкое и стилистически нейтральное, в нем нет ни подтекста, ни коннотаций. Именно этот компонент объединяет исследуемые лексические единицы в одно семантическое поле. Его можно считать архисемой. Этот компонент значения, выражающий идею умственной деятельности, условно обозначается словом “*mind*”. Чаще всего он выделяется уже в словарных дефинициях первичных значений (см. дефиниции слов *brain*, *intelligence*, *think*, *ponder*, *mental*, *mad*, *understand*, *sensible*, *stupid* и др.). В ряде случаев одно слово определяется через другое. Они равнозначны: *wise* = *clever* = *sensible*; *smart* = *clever* = *intelligent*; *stupid* = *silly* = *foolish*; *distracted* = *mad* = *out of one’s mind*; *realize* = *understand*; *able* = *clever* и др. Можно выделить и группу слов с антонимичным определением, включающим отрицательную частицу “not”: *silly* = not *sensible*; *stupid* = not using one’s *mind*; *foolish* = not *clever*.

Однако слово состоит не только из основного семантического компонента (архисемы), но и дифференциальных сем видового значения, которые, входя в общее значение, дифференцируют одно слово от другого, представляя отдельные его характеристики, такие, как: “ability” (способность), “pro-

cess” (процесс), “power” (сила), “control” (контроль), “clearly” (ясность мысли), “useful” (полезное применение ума), “quickly” (быстрота сообразительности), “level” (уровень умственной способности), “aim” (цель размышления), “intention” (намерение), “image” (образ мыслей), “information” (информация, полученная в результате размышления), “state” (состояние ума), “lack” (отсутствие способности мысли), “slow” (медлительность использования умственных способностей), “seriously” (серьезность), “out of” (отсутствие ума), “not using” (неиспользованность способностей), “sharp” (острота ума) и т.д.

В группе исследуемых лексических единиц обнаруживается много скрытых семантических компонентов, особенно в переосмысленных (вторичных и третичных значениях), проявляющихся обычно лишь в контексте речи. Это так называемые потенциальные семы, латентные. Важными элементами смысловой структуры слова являются всевозможные коннотативные (экспрессивные, эмоционально-оценочные) и функционально-стилистические компоненты значения. Функционально-стилистические компоненты значения чаще всего обозначены в словаре посредством полей: разговорные, книжные, слэнг и т.д. Так, к разговорным единицам относятся: duncе, goose, smart, twig, blunt, wisecrack, rubbish. К книжным можно отнести: ponder (размышлять, серьезно обдумывать), insane (не в себе), distracted, aptitude, philosopher. К просторечным (слэнг, жаргон): blockhead, obtuse, sage и т.д.

Что касается экспрессивности, то все переносные значения являются таковыми, поскольку они вторичны, а, следовательно, в основе их лежит пересечение сем метафорического, метонимического и гиперболического характера. Поскольку полисемия – широко развитое явление в системе английского языка, то переносных значений слов в исследуемой группе намного больше, чем прямых. К тому же многие из них при переосмыслении получают дополнительные эмоционально-оценочные компоненты значения: stupid, mad, foolish, bright, witty, intelligent, design, brainwork, dullness, nonsense, rubbish, sage, folly, dim-witted, stolid, evil и др. Если слова-синонимы чаще всего имеют дополнительные дифференциальные семы, то слова-антонимы обычно разнятся оценочными коннотативными компонентами (положительные – отрицательные): wise – silly, smart – stupid, clever – foolish.

Литература:

1. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1998.
3. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education limited, 2001.

Шидловская И.А. Некротизмы как явление уникализации в языке

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Общеизвестно, что словарный состав языка отражает жизнь и историю народа-носителя данного языка. В связи с изменением быта, производства, культуры, общественного строя словарный состав пополнялся новыми словами. Словарный состав является наиболее подвижной частью языка, однако необходимо учитывать и его большую устойчивость. Подвижность словарного состава, постоянное его обогащение отнюдь не означает, что словарный состав языка неустойчив, изменчив. Напротив, словарный состав при всей своей подвижности имеет устойчивую основу, которая сохраняется многие века. Во-первых, в каждом языке имеется большое количество слов, которые живут в нем столетиями, лишь обрастая постепенно новыми значениями и новой фразеологией, например: двн.-erda и нн.-Erde. Во-вторых, подавляющее большинство новых слов, которыми пополняется словарный состав языка, также образуется на базе уже имеющихся в языке основ и корней путем словопроизводства и словосложения.

Как правило, слова не возникают случайно, их обычно не придумывают наобум. Те смысловые и словообразовательные связи, которые мы наблюдаем в современном языке, существовали и в седой старине, хотя и разумеется проявлялись они в иной- более древней форме. Но на протяжении столетий эти связи нередко утрачивались. Язык находится в процессе постоянного изменения. Одни слова постепенно устаревают и даже вовсе отмирают, другие, наоборот, появляются вновь. Некоторые из имевшихся в языке слов или даже целые обороты вышли или только выходят из оборота и превращаются в архаизмы в связи с отмиранием старых обычаев, общественных явлений.. Например: двн.-truht «дружина», uodal «вотчина».

Но некоторые из исчезнувших архаизмов сохранились в качестве компонентов в других словах или словосочетаниях, которые и сегодня употребляются в современном языке. Эти слова или компоненты слова известны в лингвистике как «уникальные компоненты» (Фляйшер 1982, 42 ff.;).

Термин «уникальность» происходит из морфологии. Уникальная морфема- это псевдоморфема, квазиморфема или *Himbeermorphem*, которая в языке выступает только в качестве основообразующего члена словосложения, значение которого синхронно не анализируется. Самый известный пример- это морфема *him-* в *Himbeere* (малина). Функциональное значение этой морфемы проявляется только в сравнении с *Erdbeere* (клубника), *Stachelbeere* (крыжовник), *Vlaubeere* (черника), но самого значения не прослеживается. Во фразеологии, собственно, не существует идентичных структур, которые отличаются только уникальным элементом (*n/p ins Bockshorn jagen, ins Nadelöhr jagen*).

По мнению Фердинанда де Соссюра концепт «уникальность» предполагает сверхиндивидуальную, социально- воспринимаемую языковую

структуру, которая должна быть наиболее полно структурно определена. Уникализация может быть проанализирована как семантическая потеря структуры, как завершающий пункт лексикализации, как сильнейшее лексическое ограничение, которое представляет собой, с грамматической точки зрения, утрату признаков комбинаторной структурной единицы потерю продуктивности (Файлке 1996, 181). Уникальные компоненты во фразеологии считаются явлениями, которые являются прототипами устойчивости и фиксированности фразеологизмов, т.к. они в качестве устаревшего либо редко употребляемого словарного запаса больше использоваться не могут, а содержатся только в ФЕ, благодаря фразеологической связанности и как знак для их стабилизирующего эффекта (Палм 1995, 29ff). Исходя из лексикографической точки зрения существует тенденция рассматривать уникальный компонент как лемму и использовать только в словосочетаниях. Это относится прежде всего к уникальным компонентам, чье участие в общем значении более или менее понятно, убедительно. Это явно следует из примера с существительным *Vock* во фразеологизме *keinen Vock auf etwas haben*, причем *Vock* рассматривается в значении *Lust* (желание) скорее имплицитно, чем лексикографически эксплицитно, прежде всего в значении, которое это слово обнаруживает в ФЕ *keinen Lust haben* (не хотеть, не желать ч.-л.).

Известными лингвистами, изучающими уникальные элементы уже несколько десятилетий, Фляйшером, Добровольским, Пирирайнен была предложена следующая классификация критерий уникальности:

1. Устаревшие слова.
2. Омонимы.
3. Профессиональная лексика.
4. Непродуктивная морфология.

Рассмотрим более подробно первый элемент из предложенной классификации.

1. Один из компонентов может стать уникальным, т.к. он вышел из свободного употребления. Н/р *Präsentierteller* означает тарелку, на которой преподносятся визитные карточки. Фляйшер (1989) утверждает, что промежуточная ступень процесса уникализации достигается в том случае, если лексический элемент устарел, вышел из свободного употребления.

Критерий устаревания слов определяется таким образом, что под устаревшими словами подразумеваются устаревшие явления, либо предметы, явления определенного исторического периода, историзмы, как в случае с существительными *Fersengeld*, *Schindluder*, которые связаны с определенной правовой практикой. Эти слова часто содержат морфологические элементы, которые в принципе не устарели, но значение которых в ходе истории очень сильно изменилось. Таким образом значение *Luder* из первоначального «мясо» изменилось в охотничьем лексиконе в значение «приманка», а сегодня употребляется для обозначения хитрой, пронырливой, злой особы женского пола.

Некоторые историзмы необходимо отнести к сегодняшним реалиям благодаря неизменившейся продуктивности словообразования и морфемам,

используемых для этого. В устаревших словах либо морфемах, таких как *feil* в *feilhalten* (предлагать для продажи); *-heischig* в *anheischig* (выражать готовность к чему-либо); *-ständ* в *Urständ* (первобытное состояние) внутренняя морфологическая связь не просматривается, но содержит в себе *Himbeermorpheme*.

Если мы рассмотрим фразеологически-изолированные слова или словесные формы, которые нигде кроме фразеологизмов не употребляются и не дают изолированного значения, то, безусловно, речь пойдет о некротизмах

Некротизмы – это слова, встречающиеся только в составе устойчивых сочетаний слов в современном языке. Вопрос о некротизмах поднимался в работах Л.И. Ройзензона, Н.М. Шанского, А.С. Аксамитова, А.Д. Райхштейна, В. Фляйшера. Носители современного языка употребляют фразеологизмы с некротизмами в их составе, будучи знакомы с общим значением фразеологизма, но не всегда знают, что же из себя представляет то или иное слово в составе устойчивого оборота. Не каждый носитель современного языка может объяснить значение таких слов как «зга» в ФЕ «ни зги не видно», «баклуши» в «бить баклуши», *Mage* в „mit Mann und Mage“ (со всей семьей). Данные слова не существуют в языке как свободные лексемы в виде одинаковых по звучанию либо одинаковых по значению, н/р *klipp* в выражении *klipp und klar* (коротко и ясно, без обиняков). Чермак (1988), рассматривая ФЕ *frank und frei* (прямо и открыто, н/р заявлять ч.-л.), лексему *frank* называет «zero sign» (нулевой знак), т.к. этот компонент вне ФЕ не употребляется, следовательно его изолированное значение не может быть описано.

Фразеологические единицы, в составе которых имеются некротизмы, в основном являются фразеологическими сращениями (идиомами). Фразеологическое сращение, по определению В.В. Виноградова, «представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно – химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.». Значение фразеологического сращения ни в какой степени не выводится из значения образующих его компонентов и даже не находит в них никакой мотивированности. Например: во фразеологическом сращении *Schmu machen* (обдывать делишки, обманывать) его значение никак не соотносится со значением глагола *machen* и существительного *Schmu*, или в выражении *gang und gäbe* (так принято, так водится). Из этих примеров видно, что уникальные компоненты являются признаком особенной идиоматизации, т.к. в уникальности лежит причина того, что общее значение не является суммой значений отдельных компонентов (Бургер, Бухофер, Сиалм 1982, 24f) либо определенный фразеологизм обладает только свойством толкования текста (Бургер 1989а). В них утрачена связь между прямым и переносным значением, переносное стало для них основным. Именно поэтому фразеологические сращения с некротизмами, словами, которые нигде кроме данного сращения не употребляются и непонятны в следствии этого с точки зрения современного языка, сложно переводить на другие языки.

При сопоставлении ФЕ с некротизмами в русском и немецком языках Райхштейн А.Д. в качестве одного из факторов межъязыковой фразеологиче-

ской эквивалентности называет наличие или отсутствие структурно-семантических фразеологических эквивалентов, ФЕ, не только выражающих то же содержание, что и ФЕ сопоставляемого языка, но и обладающих фразообразовательным сходством, т.е. тождественной или близкой аспектной организацией-компонентным составом и синтаксической структурой. Наличие или отсутствие структурно-семантических эквивалентов (фразообразовательных аналогов) в сопоставляемых языках может быть прогнозировано с определенной вероятностью по некоторым характеристикам самих ФЕ исходного языка (хотя в их основе лежат, в конечном счете, межъязыковые отношения). Эти характеристики касаются компонентного состава, синтаксической структуры, семантического и формального механизма фразеологичности и совокупных стилистических свойств ФЕ.

Обратимся к компонентному составу ФЕ. Семантическая принадлежность к той или иной тематической группе в целом слабо отражается на мере межъязыковой (нем.-рус./рус.-нем.) эквивалентности ФЕ. Так, группы немецких ФЕ, объединенных семантической общностью компонентов их прямых значениях, обнаруживают в русском языке от 20% до 35% полных и неполных структурно-семантических эквивалентов (при средней мере немецко-русской фразеологической структурно-семантической эквивалентности – 27%) – величины, недостаточно выразительные, чтобы с какой-либо уверенностью прогнозировать по семантике компонентов наличие или отсутствие эквивалентов в русском языке. Исключение составляют лишь небольшие группы ФЕ, к одной из которых и относятся ФЕ, содержащие некротизмы (компоненты, не встречающиеся вне ФЕ, т.е. не имеющие самостоятельного употребления как лексемы), ср.. например : Ни зги; бить баклуши; точить лясы; не положить охужки на руку; карачун пришел; подпускать турусы (на колесах); задавать лататы; распустить нюни; mit jmdm. Schindluder treiben, da/dort ist Schmalhans Küchenmeister, Schmu machen, Maulaffen feilhalten, aus der Bredouille' nicht herauskommen, nicht viel Federlesens machen, ins Fettnäpfchen treten, aus der Lamäng, Zetter und Mordio schreien.